

ДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ ПУШКИНОГОРЬЯ

Выпуск 5

АРХЕОЛОГИЯ

Санкт-Петербург
2000

Государственный мемориальный историко-литературный и
природно-ландшафтный музей-заповедник А. С. Пушкина
“Михайловское”

Санкт-Петербургский Государственный университет
культуры и искусств. Кафедра музееведения
Институт истории материальной культуры
Российской Академии наук

ДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ ПУШКИНОГОРЬЯ

Выпуск 5

АРХЕОЛОГИЯ

Учебное пособие для студентов 2–3 курса
специальности “Музейное дело и
охрана памятников истории и культуры”

Санкт-Петербург
2000

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. В. Белецкий (составитель)

Г. В. Василевич

А. И. Голышев

Оригинал-макет: Л. Б. Кирчо

**Печатается при финансовой поддержке
Федеральной целевой программы
"ИНТЕГРАЦИЯ" (проект № К-0389)**

ISBN 5-201-01210-8 (5)

Пятый выпуск в серии пособий “Далекое прошлое Пушкиногорья” посвящен проблемам изучения культурного слоя — отложений земли, сформировавшихся в результате деятельности человека. В отечественной и зарубежной науке давно сформировался комплекс требований, предъявляемых к методике раскопок культурного слоя. При этом, кроме правил раскопок и фиксации процесса раскопок в полевой археологической документации (дневники, чертежи, описи, фотодокументация и т. п.), существует также набор исследовательских приемов, направленных на “извлечение” из культурного слоя максимально полной научной информации.

Открывает выпуск статья “Культурный слой”, написанная В. В. Седовым и С. В. Белецким. Авторы рассказывают о том, как формируется культурный слой, какие основные проблемы стоят перед археологами, исследующими напластования культурного слоя и какими способами решаются эти проблемы.

Две последующих статьи демонстрируют некоторые методические приемы изучения механизмов формирования культурного слоя на многослойных поселениях. Методика определения абсолютной хронологии культурного слоя по найденным в этом слое предметам подробно рассмотрена в статье Ю. М. Лесмана “О датировке среднего слоя городища Савкина Горка”. Анализируя находки из слоя пожара, в котором погибла Савкина Горка — первоначальный детинец города Вороноча — автор определяет наиболее вероятное время гибели городища и соотносит это событие с одним из литовских набегов на приграничные русские земли, зафиксированных летописями для первой половины — середины XIII в.

Пример изучения культурного слоя с применением результатов радиоуглеродного анализа приведен в статье В. Д. Белецкого, С. В. Белецкого и С. Г. Попова “Стратиграфия и хронология Псковского городища”. Детальная стратиграфическая фиксация открытых при раскопках объектов слоя (очаги и печи, фрагменты полов построек, дворовые вымостки и проч.) позволила определить относительную хронологию ярусов застройки одного из участков Псковского городища, а изучение образцов угля и дерева, найденных при раскопках, позволило перевести относительную хронологию застройки в абсолютную.

Статья С. В. Белецкого “Усадебная археология России” посвящена проблемам археологического изучения дворянских усадеб России XVIII—XIX вв.: особенности формирования культурного слоя уса-

деб позволяют считать *усадебница* — остатки прекративших свое существование усадеб — особым типом поселений, отличающимся как от неукрепленных (селища) или укрепленных (городища) поселений, так и от городов. Отмечено, что до настоящего времени остаются не изученными особенности археологизации многих типично “усадебных” объектов — клумб, цветников, газонов, дорожек парка, не имевших специального покрытия. Изучение механизма археологизации этих и подобных им объектов является одной из первоочередных проблем, стоящих перед исследователями.

В статье Л. С. Клейна “Методика раскопок: традиции и перспективы” речь идет о некоторых приемах раскопок памятников археологии, применяемые в России и европейских странах. Сравнивая правила раскопок и технику фиксации, применяемые в отечественной и зарубежной полевой археологии, автор считает возможным прогнозировать сближение методик, принятых различными научными школами и отмечает ряд преимуществ отечественной полевой археологии по сравнению с полевой археологией на западе и высказывает некоторое опасение по части готовности отечественной науки заимствовать лучшее из опыта зарубежных коллег (в том числе — в связи с ограниченными финансовыми возможностями российской науки).

Г. В. Длужная в статье “Пушкиногорье в материалах фотоархива ИИМК РАН” публикует неизвестные ранее материалы о раскопках усадьбы Михайловское, проведенных в середине 1930-х годов К. К. Романовым.

Завершает пятый выпуск “Программа учебной археологической практики”, в соответствии с которой в последние годы проводится археологическая практика для студентов-музееведов Санкт-Петербургского Государственного университета культуры и искусств.

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ¹

Почему оказались под землей остатки древних жилищ и хозяйственных строений, мостовые улиц, дворовые замощения и ограды, печи и многочисленные предметы: орудия труда и оружие, бытовые вещи и украшения? Ответ прост — археологи, изучают не просто землю, а культурный слой. Всюду, где когда-либо жил человек, в каменном, бронзовом или железном веке или в эпоху средневековья, образовывался культурный слой. Так сформировались стоянки человека каменного века, укрепленные поселения (городища) и неукрепленные (селища), места древнего ремесленного производства или отправления языческого культа, ныне являющиеся памятниками археологии. Культурный слой образовывался в древних городах, да и образуется в настоящее время на всех современных поселениях².

Формирование культурного слоя обусловлено хозяйственной, строительной и бытовой деятельностью человека. Ничего не исчезает бесследно. От любого строительства, большого или малого, всегда остаются следы — щепы или обломки камней, известковый раствор или кирпичная крошка, глина или цемент и т. п. От жилых построек, отслуживших “свой век”, остаются нижние венцы срубов, различные фундаменты, подвалы, развалы или основания печей, глинобитные полы и т. п. Следы хозяйственных строений являются напластования навоза, соломы; производственных — шлаки, фрагменты горнов, дьячки, тигли, развалы печей и т. п.

Процесс формирования культурного слоя на поселении непосредственно связан с интенсивностью жизнедеятельности обитателей этого поселения. Уже в момент возникновения поселка на пустом месте (рис. 1, 1) начинается более или менее интенсивное слоеобразование — возводятся жилища, роются колодцы (рис. 1, 2). В период существования поселения вокруг построек за счет выметенного из домов мусора, выброшенных за окно объедков и проч., нарастает культурный слой (рис. 1, 3). В том случае, если поселение гибнет в пожаре (рис. 1, 4), культурный слой предше-

---

¹ Сокращенная и переработанная редакция статьи: Седов В. В., Белецкий С. В. Культурный слой Пскова — памятник истории и культуры человечества // Археологи рассказывают о древнем Пскове. Псков, 1991, с. 8—20.

² Напомним о деревенских домах, “врастающих в землю” на один-два венца, о городских домах, окна цокольных и полуподвальных помещений которых постепенно “уходят под землю”.

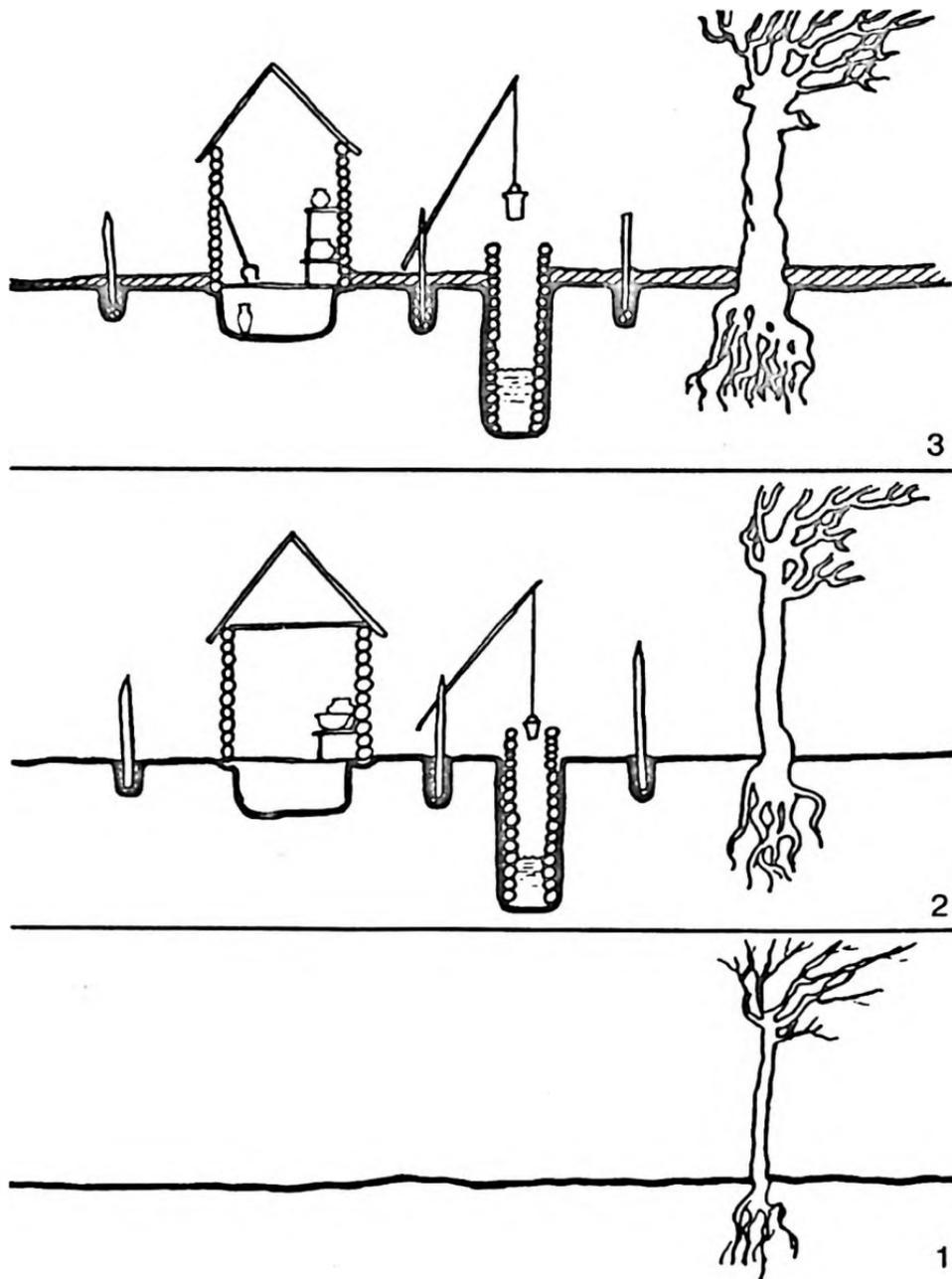
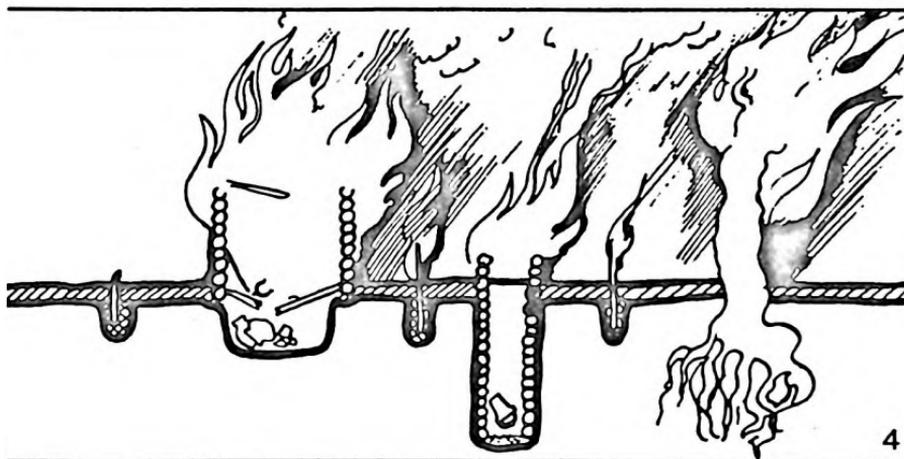
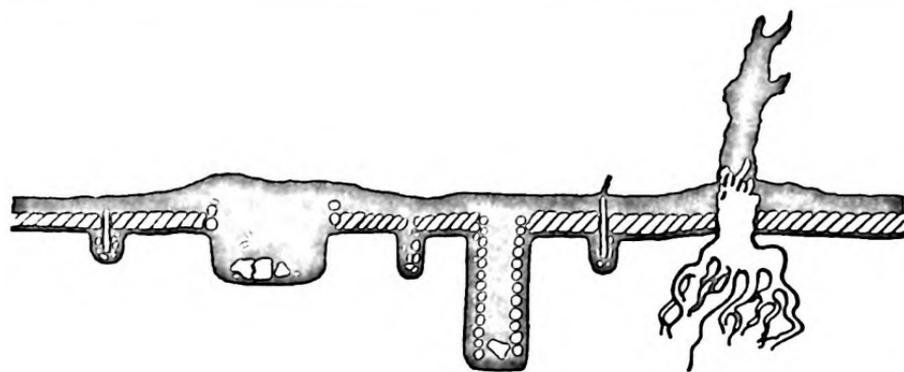
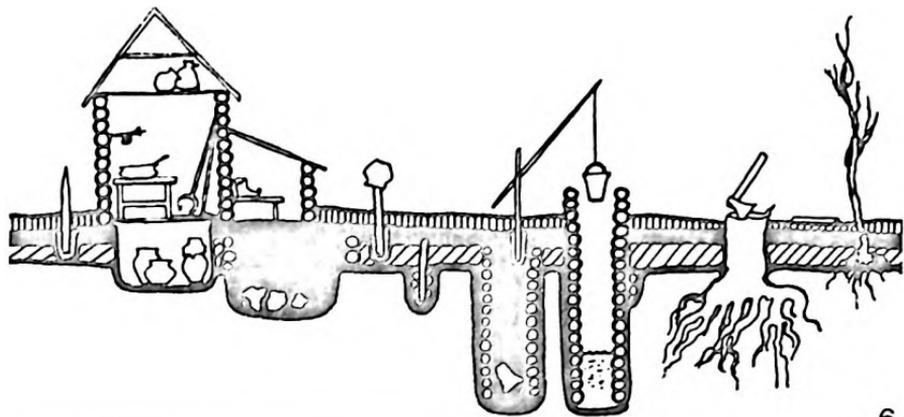

Рис. 1. Схема процесса формирования культурного слоя.

ствующего времени перекрывается зольно-угольным слоем, причем этот слой заполняет подвалы сгоревших домов и колодцы, а среди углей оказываются несгоревшие или обугленные предметы быта — все то, что не удалось спасти (рис. 1. 5). Если поселение возродилось на пепелище, то вновь образующийся культурный слой перекрывает слой пожара, и все повторяется сначала (рис. 1. 6).

Разумеется, приведенный пример достаточно условен, и в реальности стратиграфия культурного слоя на поселении оказывается значительно более сложной: разновременные ямы (подвалы построек, помойки, колодцы) прорезают друг друга, при строительных работах образуются разнообразные линзы и прослойки строительного мусора, какие-то из прослоек уничтожаются при планировочных работах, предшествующих новому строительству, а периоды запустения материализуются стерильными от следов жизнедеятельности человека прослойками погребенного дерна.

Мощность культурного слоя на различных памятниках археологии колеблется от нескольких сантиметров до десяти метров и более. Она зависит от многих обстоятельств: длительности функционирования поселения, плотности застройки, интенсивности хозяйственной и производственной деятельности, характера строительных материалов, влажности местности и некоторых иных факторов. В русских средневековых городах, в которых почти все строилось из дерева, толщина культурных напластований колеблется от 1 до 7—8 м. Так, в Новгороде культурный слой имеет толщину до 4—7 м. Толщина культурных отложений в Пскове весьма различна: в центре города, где в силу влажности грунта сохраняется древнее дерево, культурный слой достигает 3—5 (до 10) м толщины, на периферии — от 0,5 до 2—3 м.

Для неспециалиста культурный слой представляется просто серой, черной или темно-коричневой землей. В действительности культурные отложения имеют очень сложное строение и состоят из множества порой слабо заметных прослоек, разнообразных включений и пятен, различаемых археологами по плотности, консистенции и структуре. Задача археолога — тщательно раскопать и не менее тщательно зафиксировать при помощи фотографирования, чертежей, рисунков и дневниковых записей сложное строение культурного слоя, восстановить все детали истории исследуемого участка древнего поселения. Так выявляются следы жилых и хозяйственных построек, ремесленные мастерские, отопительные устройства, дворы и усадьбы, улицы и переулки, сады и огороды, незастроенные участки, оборонительные сооружения и многое другое. В культурных отложениях городов Северной Руси из-за насыщенности слоя влагой более или менее хорошо сохраняются остатки деревянных построек —

нижние венцы срубных строений, столбы, мостовые улиц и дворовые вымостки, частоколы, разграничивающие дворы и усадьбы, дренажные сооружения и др. Это значительно облегчает "чтение" культурного слоя.

При исследовании культурного слоя обнаруживаются самые различные предметы. Это — орудия труда, предметы быта, украшения и детали одежды, обувь, посуда и утварь, предметы вооружения и др. Исключительно важным является точная регистрация каждой находки — в каком слое или прослойке она обнаружена, на какой глубине, как лежала. Вещевые находки дают возможность определить, чем занимался хозяин того или иного жилища, как питалась его семья, как одевались члены семьи и какие они носили украшения и т. д. С другой стороны, вещевые находки дают возможность ученым проникнуть в тайны средневекового ремесла и строительной деятельности, изучить военное дело, выяснить внутренние и международные торговые и культурные связи, познать духовную жизнь горожан во всем ее многообразии. Культурные напластования содержат обычно карпологические и остеологические материалы — важный источник для изучения сельскохозяйственной деятельности, промыслов и питания жителей. Карпологические материалы — остатки зерна сельскохозяйственных растений и сорняков, им сопутствующих — являются надежной основой изучения аграрного дела, в том числе систем земледелия. Пыльцевые анализы, взятые из культурного слоя, позволяют определить окружающую растительность — характер лесов, лугов, болот, обезлесенных участков. Остеологические материалы — кости животных — служат важным источником информации о животноводстве, включая анализ породности и молочности отдельных видов домашнего скота, об охоте и рыболовстве. Он же позволяет судить о питании горожан, о роли мясной пищи, об употреблении рыбы и птицы.

Одной из основных задач археологов является установление хронологии исследуемых отложений культурного слоя. От точности определения, когда (а по возможности и при каких обстоятельствах) сформировалась та или иная прослойка, зависит достоверность конкретных, в том числе, сугубо исторических выводов. Основной и наиболее частый в практике работы археолога путь определения хронологии отложений культурного слоя — установление даты найденных предметов.

За многие десятилетия археологических исследований, проводимых в древнерусских городах, на сельских поселениях, в курганных могильниках, специалисты научились определять время бытования самых разных предметов. Женские украшения — браслеты, перстни, бусы, нагрудные привески, височные украшения, застёжки — которые носили, скажем, в X—XI вв., заметно отличались от аналогичных предметов XII—XIII вв.,

не говоря уже о XIV—XV столетиях. Двери домов и сараев в XIV в. запирали на замки, которые сильно отличаются от замков предшествующих столетий. В XII в. причесывались совсем не такими гребнями, какие были в употреблении в IX—X или в XIV—XV вв. Таким образом, после тщательного анализа найденных при раскопках предметов можно определить, в каких столетиях (а иногда и десятилетиях) они были потеряны или выброшены за ненадобностью. А это значит, что можно определить и время формирования слоя или дату той или иной постройки или мостовой.

Кроме вещевых находок надежным источником для хронологических определений являются фрагменты глиняных сосудов, в очень большом количестве находимые при раскопках. Археологи называют их обычно керамикой или керамическим материалом. Именно массовость находок керамики придает ей особую ценность для исследователей. Глиняный сосуд — вещь в быту, недолговечная. Горшки часто разбивались и их выбрасывали. С течением времени происходили заметные изменения формы сосудов и технологии их изготовления. Менялась также орнаментика сосудов: от роскошных узоров, покрывавших всю поверхность стенок горшков от венчика до днища, гончары постепенно переходили к более простым приемам орнаментации, а потом орнамент на сосудах почти совершенно исчезает. Естественно, что на материалах только керамики точно определить время формирования культурного слоя вплоть до лет и месяцев невозможно: керамика позволяет фиксировать, что та или иная прослойка культурного слоя сформировалась в XII—XIII, или в XIII—XIV, или в XIV—XV столетиях, иногда — в XII или XIII, XIII или XIV веках. Но для того, чтобы можно было переходить от археологических наблюдений к историческим выводам, необходима более точная хронологическая картина. Установление более узких дат, то есть дат с точностью до десятилетий или даже лет, требует иных методов. Главнейший из них — “метод узких дат”. Что это такое?

После того, как мы выявили в культурном слое (даже сильно нарушенном) все возможные перекопы и установили, какие из датирующих предметов происходят непосредственно из данного слоя, мы начинаем анализировать хронологию слоя. Каждая из датирующих находок имеет определенный период своего существования в обиходе. В одном и том же слое могут оказаться предметы, каждый из которых обладает своим периодом бытования, и периоды эти совсем не обязательно должны совпадать друг с другом.

Но так как мы уже установили, что все вещи попали в один и тот же слой и оказались в нем не случайно, а в период формирования данного слоя, они, следовательно, сосуществовали между собой в более или ме-

нее ограниченный отрезок времени. Если так, то время наиболее вероятного сосуществования всех перечисленных предметов и есть узкая дата слоя, определяющая период его формирования. Иными словами, датировка слоя определится не временем появления наиболее ранней вещи и не временем исчезновения из обихода наиболее поздней вещи, а временем, когда эти вещи могли находиться в обиходе совместно³.

Таким путем определяется датировка для слоя, в котором плохо сохраняется дерево. Ну а в тех случаях, когда остатки деревянных строений в культурном слое сохраняются хорошо, имеется иной, еще более точный метод датирования — дендрохронология. Давно замечено, что годовые кольца на спилах деревьев различаются по толщине. Толщина каждого из годовых колец соответствует тому, каким был этот год для дерева — теплым или холодным, дождливым или засушливым. Специалисты-биологи вместе с археологами разработали на основании изучения спилов с бревен, найденных при археологических раскопках, так называемую “дендрохронологическую шкалу”. По этой шкале удается с точностью до года датировать многие бревна, обнаруженные при археологических раскопках. Датировать, естественно, тем годом, когда дерево было спилено. К сожалению, далеко не все спилы пригодны для датировки: требования к образцам, поступающим на определение, очень строгие. И все-таки в распоряжении археологов оказываются даты, установленные для возведения отдельных построек или сооружения мостовых с точностью до года. Такая точность в определениях в археологической практике крайне редка.

Еще одним способом установления хронологии формирования культурного слоя является использование метода радиоуглеродного датирования, основанного на определении концентрации радиоактивного изотопа Углерод-14 (^{14}C) в дереве, угле, кости, костном угле и других органических остатках. При этом радиоуглеродные датировки должны переводиться в календарные даты путем использования специальных калибровочных кривых. Серийность калиброванных ^{14}C -датировок из непо потревоженных напластований на многослойных поселениях позволяет определять для каждого из выделенных стратиграфических слоев достаточно узкие даты⁴.

Есть и еще один путь установления абсолютных датировок для отдельных прослоек культурного слоя. Давно замечено, что раз-

---

³ Подробнее см. статью Ю. М. Лесмана в настоящем сборнике.

⁴ Подробнее см. статью В. Д. Белецкого, С. В. Белецкого и С. Г. Попова в настоящем сборнике.

современные прослойки культурного слоя различаются между собой по толщине. Они не бывают и строго горизонтальными. Одинаковые по мощности прослойки могли откладываться и на протяжении сравнительно длительного времени, если жизнь текла равномерно и ничто не нарушало этого течения, и за короткий срок — от нескольких дней до нескольких часов. В результате крупного пожара, например, выгорали целые кварталы деревянной городской застройки и прослойки пожарищ по своей мощности часто превышали отложения культурного слоя, формировавшиеся за предшествующие 50—100 лет.

Вот эта самая неравномерность формирования культурного слоя и оказывается ключом для археологического исследования. О крупных пожарах, например, или же о нашествии врагов (и связанных с этим событием массовых разрушениях, произошедших в городе) очень часто имеются сообщения в летописи. Крупные пожары, в которых выгорал порой весь город, летописец называл даже “карой Божьей”, “знамением”, “карой за грехи”. Но в таком случае, установив “узкую дату” времени формирования прослойки пожара (с точностью до четверти столетия, например), мы можем попытаться сопоставить ту или иную прослойку с конкретным событием, зафиксированным письменной историей. То же самое может быть отнесено и к прослойкам, сформированным при строительных работах по возведению крепостных стен или каменных храмов, либо — при перестройке подобных монументальных сооружений. И тогда отдельные прослойки получают, благодаря сведениям письменных источников, абсолютные даты с точностью до нескольких лет или даже нескольких часов, а другие — датируются промежутками времени между точно датированными прослойками.

Особый интерес при анализе культурного слоя и датировке его прослоек представляют выявляемые изредка “лакуны”, то есть отсутствующие в культурном слое напластования за более или менее длительные отрезки времени. То есть, когда на слоях, скажем, X в. лежат отложения начала XII в., перекрытые в свою очередь, отложениями начала XIV в. Отсутствие культурного слоя теоретически может означать, что в этот период в данном конкретном месте постоянное население отсутствовало. Ну, а если мы можем с уверенностью утверждать, что такого перерыва в освоении участка под застройку не было? Если письменные источники именно для этого места фиксируют существование постоянной застройки, а слоя мы не обнаруживаем?

В таких случаях можно констатировать, что культурные слои оказались уничтоженными в результате земляных работ, связанных с нивелировкой поверхности. Такие земляные работы могли и не найти отраже-

ния в письменных источниках. Но сам факт их проведения указывает нам на то, что рассматриваемый участок привлек горожан, и для каких-то целей здесь была проведена планировка современной для древних горожан дневной поверхности. Следовательно, необходимо искать в материалах как археологических раскопок, так и в письменных источниках ответ на вопрос: когда и зачем могли быть проведены зафиксированные “лакуной” земляные работы. Ну, а время проведения планировочных работ можно определять по хронологии перекрывшего “лакуну” культурного слоя.

Культурный слой является важнейшим источником для изучения истории и культуры далекого (и даже не очень далекого) прошлого нашей страны. Повреждения слоя при земляных или строительных работах приводят к уничтожению этого исторического источника и резко сокращают его информативные возможности. Именно поэтому культурный слой находится под охраной государства. Его повреждения караются Законом об охране и использовании памятников истории и культуры. Всякие земляные и строительные работы в зоне распространения культурного слоя без предварительного изучения археологами категорически запрещены.

О ДАТИРОВКЕ СРЕДНЕГО СЛОЯ ГОРОДИЩА САВКИНА ГОРКА¹

В 1970—1972 гг. Псковская экспедиция Эрмитажа под руководством В. Д. Белецкого проводила раскопки на городище Савкина Горка, расположенном на левом берегу р. Сороти между усадьбами Михайловское и Тригорское в черте Пушкинского заповедника². Были заложены два шурфа, а также два небольших раскопа площадью 12 и 96 кв. м. Последний из них дал почти всю коллекцию вещевых находок.

Стратиграфия отложений позволила выявить три слоя, в разной степени насыщенных материалом. Фактически, все вещевые находки связаны с двумя горизонтами и отлагались в сравнительно короткие промежутки времени³. Особенно богат материалом средний слой, в котором при раскопках вскрыты остатки двух сгоревших построек: значительная часть (ок. 15 кв. м) постройки № 1 и угол (ок. 4 кв. м) постройки № 2; удалось также зафиксировать примыкающую к ним дневную поверхность горизонта пожара. В. Д. Белецкий датирует строительный горизонт, погибший в пожаре, XII—XIII вв., однако обилие и разнообразие детальнейшим образом опубликованных находок из этого горизонта⁴ позволяют существенно сузить дату и в то же время представить характер-

¹ Сокращенная и переработанная редакция статьи: Лесман Ю. М. К хронологии городища Савкина Горка // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. СПб, 1994, с. 146—154.

² Белецкий В. Д. Археологические работы в Государственном заповеднике имени А. С. Пушкина // АСГЭ, вып. 18, 1977, с. 110—125 (см.: Далекое прошлое Пушкиногорья, вып. 2. Археология. СПб, 1998, с. 28—53).

³ Специфика процесса отложения культурного слоя на поселениях с относительно сухой дневной поверхностью и невысокой интенсивностью жизнедеятельности такова, что в периоды стабильной и спокойной жизни на поселении число утерянных вещей невелико. Выбрасывалась преимущественно битая посуда и кости (объедки), а металлические предметы шли во вторичную переработку. Периодически высыхавшая поверхность и отсутствие серьезных земляных работ (Белецкий В. Д. Археологические работы..., с. 124, рис. 15) не способствовали безвозвратной утрате потерянных на межпостроечном пространстве вещей. Основная часть находок связана в таких условиях с постройками. Вещи теряли в доме, который со временем разрушался, но особенно многочисленны находки, если дом погибал в результате пожара.

⁴ Белецкий В. Д. Археологические работы..., с. 110—125.

ный пример датировки комплекса непрерывного формирования, каким является культурный слой поселения⁵.

В основу датировки положены даты типов вещей (украшений, оружия, утвари и пр.) в культурном слое Новгорода. Датировочными типами в Новгороде признаются достаточно массовые (10 и более экз.) однородные по тем или иным параметрам или группам параметров серии вещей, поддающиеся локализации в рамках новгородской стратиграфии и, следовательно, во времени⁶. Дополнительно привлекаются также вторичные датировочные типы — то есть типы отсутствующие или редкие в Новгороде, но серийно (по крайней мере 20 экз.) представленные в иных (преимущественно погребальных) памятниках северо-запада, даты которых определяются на основе новгородской вещевого шкалы⁷.

Основа датировки — хронология новгородских ярусов: даты появления и выхода из употребления вещей каждого типа определяются с точностью до яруса (синхронизируются с ярусами), при этом, с известной долей условности, можно говорить о датах типов, нижние и верхние границы которых соответствуют времени сооружения соответствующих мостовых Неревского раскопа в Новгороде.

Использование новгородской вещевого хронологии на территории Посоротья требует некоторых оговорок. Район этот несомненно входит в северо-западный историко-культурный регион самым крупным центром которого был Новгород, однако говорить о непосредственном вхождении Посоротья в Новгородскую землю было бы опрометчиво⁸. Поэтому все датировки вещей следует рассматривать лишь как предварительные, хотя и с учетом того, что, с одной стороны, ничего более надежного чем новгородская вещевого хронология мы для европейского средневековья пока не имеем, а, с другой стороны, замеченные пока локальные расхождения в датах бытования типов на территории отдель-

---

⁵ Лесман Ю. М. К методике разработки хронологии древнерусских памятников Северо-Запада // КСИА, вып. 166, 1981, с. 98—103.

⁶ Лесман Ю. М. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Археологическое изучение Новгородской земли. Л., 1984, с. 124—126.

⁷ См. напр.: Лесман Ю. М. К методике разработки..., с. 99—100; он же. Древнерусские браслеты с выпукло-вогнутыми валиками // СГЭ, вып. 56. 1994; он же. Кашинные бусы в Новгородской земле: материалы к изучению русско-ордынских связей // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994, с. 187—193.

⁸ См., в частности: Микляев А., Янковский С. Город Острий // СГЭ, вып. 46. 1981, с. 40.

ных регионов Древней Руси затрагивают лишь отдельные типы⁹ и не носят кардинального характера. Сам по себе вещевой комплекс Савкиной Горки лишен какой-либо локальной специфики, что позволяет говорить о его культурном единстве с Новгородом и основными районами Новгородской земли.

Обратимся непосредственно к рассмотрению вещевых находок. Среди остатков постройки № 1 найдено всего восемь датирующих предметов из железа: четыре ножа (рис. 1, 1) II группы по Р. С. Минасяну¹⁰, датирующиеся на северо-западе временем после 1134 г.¹¹, овальное кресало (рис. 1, 2), появляющееся после 1116 г.¹², цилиндрический замок (рис. 1, 3) типа В по Б. А. Колчину¹³, датирующийся тем же временем, а также плоский черешковый наконечник стрелы без упора (рис. 1, 4), аналогии которому в Новгороде датируются временем не позднее 1197 г.¹⁴.

Ювелирные изделия более многочисленны, что позволяет существенно дополнить картину. Витой трехпроволочный незамкнутый браслет с несохранившимися концами (рис. 1, 5) датируется широко 1055—1396 гг.¹⁵. Все три найденных в постройке перстня относятся одновременно к нескольким типам, что позволяет определить дату каждого из них как дату комплекса однократного формирования, то есть — как пересечение дат типов. Витой перстень (рис. 1, 6) датируется 1006—1313 гг., наличие у него утолщения в передней части определяет время между 1055 и 1382 гг.¹⁶, в то же время представленная на нем витая скань встречается в Новгороде после 1006 г., а использование в витье тонкой

---

⁹ Лесман Ю. М. К динамике изживания северосвроейских традиций в материальной культуре Руси XI—XIV вв. (железные ножи) // XI Всесоюзная конференция по изучению экономики, истории, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. М., 1989, с. 157—159; он же. К топографии Горопца (конец I — начало II тыс. н. э.) // Вестник Московского университета, 1990. Сер. 8, № 4, с. 79.

¹⁰ Минасян Р. С. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья // АСГЭ, вып. 21, 1980, с. 69—70

¹¹ Лесман Ю. М. Погребальные памятники Новгородской земли... с. 138; он же. К динамике изживания... с. 157—159.

¹² Лесман Ю. М. Погребальные памятники Новгородской земли... с. 138.

¹³ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА, № 65, 1959, с. 81—82.

¹⁴ Медведев Л. Ф. Оружие Новгорода Великого // МИА, № 65, 1959, с. 155, 162, 164—166.

¹⁵ Лесман Ю. М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X—XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М., 1990, с. 42—43.

¹⁶ Там же, с. 51.

(до 1 мм) проволоки известно после 1055 г. Перстень датируется, таким образом, 1055—1313 гг. Следующий перстень плетеный (рис. 1, 7), что уже само определяет дату 1161—1382 гг., ни утолщение его передней части, ни наличие витой скани из тонкой проволоки не позволяет сузить датировку. Последний перстень — пластинчатый (рис. 1, 8). Аналогии ему в Новгороде не известны, но достаточно массово представлены в сельских памятниках Новгородской земли, датированных на основе новгородской вещевого хронологии. Перстень относится к типу широкосердечных широких (ширина пластины более 25 мм, в нашем случае 28 мм), датирующемуся временем после 1224 г. Пропорции расширенной части позволяют отнести его к типу среднерасширенных (ширина расширенной части меньше ее длины, но составляет от длины не менее 0,6, в нашем случае около 0,85), которые бытовали между 1177 и 1281 гг. Наличие трех выпукло-вогнутых валиков в декоре перстня позволяют сузить дату до 1224—1281 гг., так как это относит его к группе многоваликовых (три и более — до шести) широкосердечных перстней. Использование в декоре жемчужного орнамента лишь подтверждает датировку, так как он серийно известен на украшениях Новгородской земли после 1224 г. Незамкнутая привеска-лунница (рис. 1, 9) датируется в Новгороде временем до 1238 г.¹⁷, но тот факт, что она круторогая, позволяет сузить дату, так как ювелирные изделия или их части в форме круторогих лунниц в Новгороде датируются временем между 1134 и 1313 гг. Таким образом, дата лунницы определяется 1134—1238 гг. Найденный бубенчик относится к типу эллипсоидных крестопорезных, датировка которых пока не разрабатывалась специально, однако появляются они по-видимому еще в XII в.¹⁸, а бытуют по крайней мере до XVI в. Литейная форма, найденная в постройке (рис. 1, 10), служила для изготовления трехбусинного височного кольца, каковые известны в Новгороде между 989 и 1382 гг., причем на конце кольца, по-видимому, был шиток с отверстием, который характерен для височных колец после 1076 г.¹⁹ На другой стороне камня вырезана форма для изготовления литых шаровидных пуговиц, аналоги которым известны в Новгороде после 1096 г.²⁰ В целом литейная форма может быть датирована 1096—1382 гг.

---

¹⁷ Там же, с. 62.

¹⁸ К этому времени относятся оба новгородских экземпляра: Неревский раск. 19/18-28-1353 и Тихвинский раск. 15/14-22-361А.

¹⁹ Лесман Ю. М. Хронология ювелирных изделий.... с. 70—71

²⁰ Там же, с. 60.

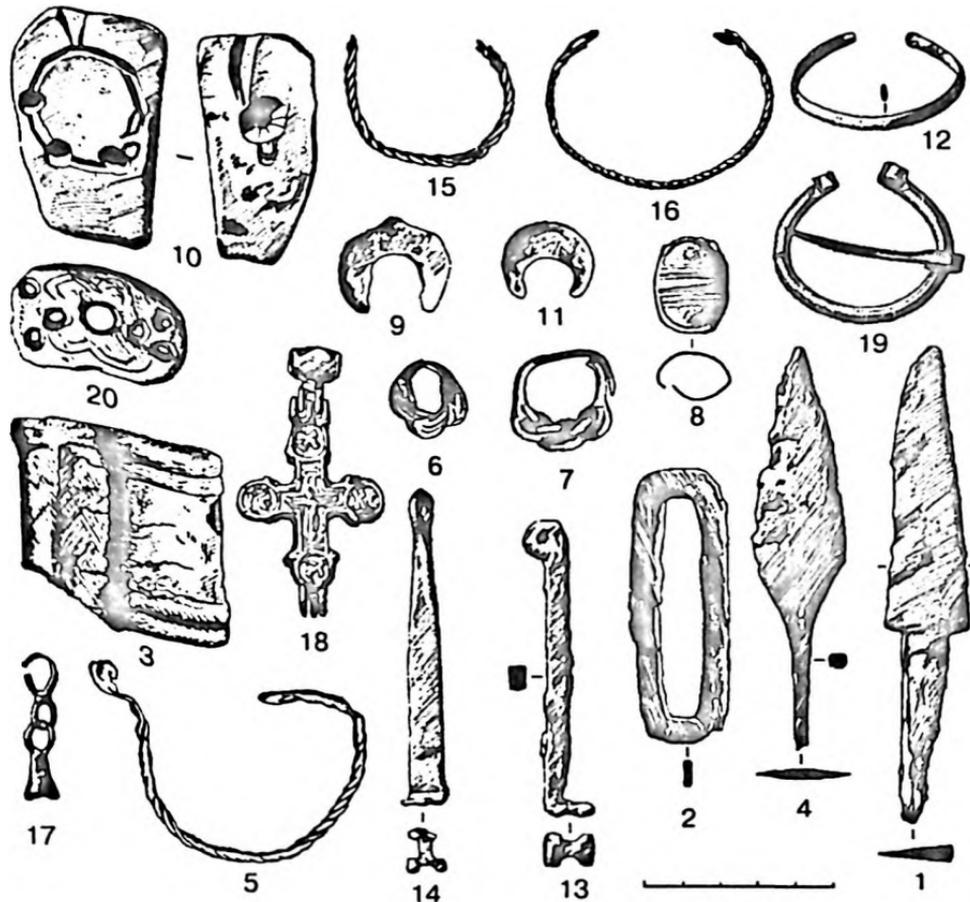

Рис. 1. Датирующие предметы из среднего слоя городища Савкина Горка (по В. Д. Белецкому; номера рисунков соответствуют номерам на рис. 2).

Комплекс находок, связанных с постройкой № 1 позволяет наметить время ее функционирования. Археологизация вещей происходила непрерывно (хотя и неравномерно) во время эксплуатации постройки. Мы можем определить время, не позже которого постройка уже была сооружена — это верхняя дата самой ранней находки — наконечника стрелы (1197 г.), а также время, когда постройка несомненно еще не стореда — это нижняя дата самой поздней находки — пластинчатого перстня (1224 г.). Насколько эта дата (то есть синхронизация с 16 ярусом Перевского раскопа в Новгороде) уже реального времени жизни постройки? Здесь не найдены вещи, выходящие из употребления до 1177 г.

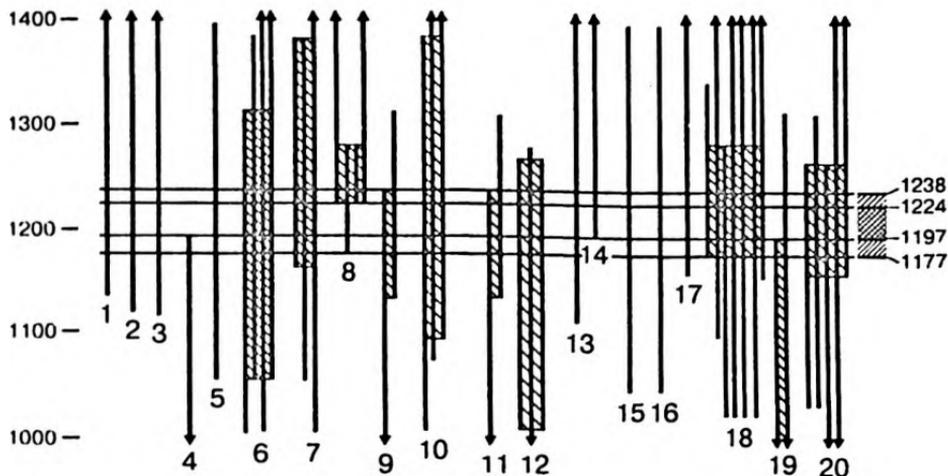

Рис. 2. Хронология пожара в среднем слое городища Савкина Горка

или появляющиеся после 1238 г., что позволяет говорить о малой вероятности сооружения постройки до 1177 г. и гибели после 1238 г., тем более, что время жизни древнерусских построек редко превосходит половину столетия. Постройку № 1 можно, таким образом, датировать какой-то частью промежутка времени между 1177 и 1238 гг. (то есть синхронизовать с 17—15 ярусами Неревского раскопа), но не уже, чем 1197—1224 гг.

Находки из исследованной части постройки № 2 немногочисленны. Из хронологически определяемых здесь можно назвать лишь браслет и лунницу. Лунница (рис. 1, 11) типологически идентична и синхронна луннице из постройки № 1, то есть датируется 1134—1238 гг. Браслет же (рис. 1, 12) относится сразу к нескольким типам: он узкопластинчатый (ширина пластины не более 7 мм — в нашем случае около 4 мм) с простыми обрубленными концами, каковые носили в Новгороде между 1006 и 1268 гг. неорнаментированный, каковые не встречаются в Новгороде после 1281 г.²¹, ленточный, то есть его максимальная ширина в центральной части равна ширине концов или превосходит ее не более чем в 1,2 раза (в нашем случае не более чем в 1,1 раза), что дает дату 1006—1268 гг. Стратиграфически вторая постройка синхронна первой, они погибли в одном пожаре. Датировка находок из постройки № 2 не противоречит дате постройки № 1, но, в силу малочисленности выборки, не позволяет уточнить дату.

²¹ Там же, с. 37—39.

Значительное число вещей найдено на примыкающей к постройкам синхронной им дневной поверхности пожара. Частично это находки, непосредственно связанные с пожаром, частично — происходят из слоя жизнедеятельности и разрушения построек. Здесь найдены два ключа от навесных цилиндрических замков типа В. Один из них (рис. 1, 13) относится к основному варианту, появляющемуся в Новгороде после 1116 г., второй (рис. 1, 14) к первому варианту, который был распространен после 1197 г.²² Здесь же найдена железная спица-булавка с крученым стержнем, подобные которой серийно представлены в Новгороде после 1281 г.²³, однако, как уже отмечалось²⁴, столь узкая дата этих изделий неприменима к памятникам соседних регионов (в Торопце, городе ближайшем к пределам Новгородской земли с юга, булавки-спицы несомненно появляются уже в самом начале XII в.)²⁵. Ювелирные изделия представлены браслетами, привесками и фибулой. Два витых трехпроволочных петлеконечных браслета (рис. 1, 15—16) датируются как и браслет из первой постройки 1055—1396 гг. Фрагмент привески — 8-видное литое ложнозавязанное звено с колокольчиком (рис. 1, 17) — относится к типу бытовавшему после 1161 г.²⁶. Крест-энколпион (рис. 1, 18) можно идентифицировать сразу с семью типами и получить его дату как дату типа однократного формирования. Его ушко имеет бусиновидную форму, которая распространена для ушек привесок между 1177 и 1340 гг.²⁷. Вообще кресты-складни появляются в Новгороде после 1096 г.²⁸, форма концов креста — закругленных с парными выступами — характерна для 1025—1281 гг.²⁹. Прочие датирующие особенности креста не позволяют сузить его дату, хотя и не противоречат ей: крест имеет надписи на концах лопастей — эта особенность, образующая единый тип с изображениями на концах лопастей, представлена в Новгороде после 1025 г.; надписи размещены в четком изображении круга, что также датируется временем после 1025 г.; фигуративное изображение в центре креста (Распятие) четко выделено в виде центральной изобразительной зоны — эта особенность представлена на новгородских крестах также

²² Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло..., с. 81—82.

²³ Там же, с. 106—107; он же. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982, с. 163.

²⁴ Лесман Ю. М. К топографии Торопца..., с. 79, примеч.

²⁵ Малевская М. В., Фоляков Д. И. Древний Торопец. Торопец, 1991, с. 38.

²⁶ Лесман Ю. М. Хронология ювелирных изделий..., с. 68.

²⁷ Там же, с. 59.

²⁸ Там же, с. 65.

²⁹ Там же, с. 66.

после 1025 г.; наконец, надписи на кресте выполнены рельефно, а рельефные выпуклые надписи на основе находок аналогичных новгородских ювелирных изделий датируются временем после 1161 г. Исходя из всей совокупности дат типов, крест можно датировать интервалом 1177—1281 гг. Фибула (рис. 1, 19) относится к числу наиболее ранних находок рассматриваемого комплекса: она подковообразная спиралеконечная треугольного сечения, что позволяет датировать ее на основе новгородских находок временем до 1197 г.³⁰, узкое кольцо иглы, датирующее фибулу временем до 1313 г.³¹, не позволяет уточнить дату находки. Литейная форма (рис. 1, 20) может быть датирована, исходя из дат вещей, для изготовления которых она служила: крестика и грузика. Кресты-тельники с 1—3 шариками или кружками на концах лопастей датируются на основе новгородских материалов 1025—1268 гг., при этом объемное оформление лопастей характерно в Новгороде для крестов, датирующихся с 1025 по 1313 г., а завершение шариком части ювелирного изделия, имеющего форму стержня или острого (до 30°) угла датируется временем до 1268 г. Конический грузик, который мог отливаться с другой стороны литейной формы орнаментирован, что определяет дату, хотя и очень широкую — после 989 г.³²; характер декора — простая ломаная линия, проходящая по краю или по всему полю ювелирного изделия датирует грузик временем после 1161 г. Совокупность дат пяти типов позволяет датировать литейную форму 1161—1268 гг.

Обратимся теперь, с учетом всего комплекса находок, к вопросу о датировке среднего слоя городища Савкина Горка (рис. 2). Дата слоя совпадает с датой постройки № 1; и находки из второй постройки, и находки с примыкающего к постройкам участка лишь подтверждают ее, не внося уточнений. Нижнюю дату всего комплекса определяют, на фоне остальных находок, наиболее ранние вещи: наконечник стрелы и фибула (до 1197 г.), верхнюю — пластинчатый перстень (после 1224 г.). Однако датирующее значение фибулы более весомо, чем значение наконечника стрелы. Априорно нам неизвестны причины пожара, разрушившего постройки. Весьма вероятно, что это было вражеское вторжение, причем нападающая сторона, опять же априорно, не известна. В этих условиях нельзя исключить, что наконечник стрелы мог принадлежать не жителям поселка-крепости, а каким-то пришельцам, культура которых и, соответственно, хронология инвентаря, могли отличаться не только от

³⁰ Лесман Ю. М. Хронология ювелирных изделий..., с. 75.

³¹ Там же, с. 76.

³² Там же, с. 82.

новгородской, но и вообще от древнерусской. Если это так, то наконечник стрелы теряет свое датирующее значение. Если исходить из гипотезы о связи наконечника стрелы именно с этапом гибели построек, то хронологическое противоречие (наконечник датируется более ранним временем чем самые поздние вещи комплекса) является косвенным подтверждением культурной специфики нападающих, по крайней мере в аспекте динамики смены типов вооружения.

Итак, дата горизонта среднего слоя Савкиной Горки, связанного с функционированием исследованных в 1971 г. построек, определяется в достаточно узких пределах: 1177—1238 гг., причем погибли постройки в пожаре, произошедшем ориентировочно между 1224 и 1238 гг. (с возможными, но незначительными, отклонениями). Конечно, нельзя исключить, что мы имеем дело с обыкновенным бытовым пожаром, но необычное, особенно на фоне бедного культурного слоя Савкиной Горки, обилие находок делает более вероятным предположение о насильственной гибели поселения.

История Посоротья первой половины XIII в. не освещена письменными источниками, однако общая ситуация этого времени позволяет наметить круг событий, которые могли стать причиной трагедии, постигшей жителей поселка-крепости. Проникновение орденских формирований в район среднего течения Великой до 40-х гг. XIII в. маловероятно (даже соседняя с запада Латгалия еще не входила в сферу территориальных притязаний Ордена, платя до 1280-х гг. дань Пскову и Новгороду). В то же время на 1210 — 1250-е гг. приходится волна военной экспансии Литвы. Походы следуют один за другим: 1210 г. — на Ходыничи, 1213 г. — на Псков, 1217 г. — на Шелонь, 1223 г. — на Торопец, 1224 г. — на Русу, 1225/26 гг. — на Торжок и Торопецкую волость, 1229 г. — на Любно, Мореву, Селигер, 1234 — на Русу, 1239 г. — под Псков (Камно), 1245 г. — на Торжок и Бежецы, 1248 г. — на Кудепь, 1253 г. — на Торопец, 1258 г. — на Торжок³³. И это только те события, о которых сообщают летописи. По-видимому, с одним из литовских набегов и связана гибель построек среднего культурного слоя Савкиной Горки.

---

³³ Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959, с. 50—51, 60.

СТРАТИГРАФИЯ И ХРОНОЛОГИЯ НИЖНЕГО СЛОЯ ПСКОВСКОГО ГОРОДИЩА

Стратиграфия и хронология Псковского городища неоднократно становились предметом обсуждения³⁸. Принципиально новая информация была получена раскопками 1991—1992 гг.

Раскоп 1991—1992 гг. был заложен близ восточного края центральной части площадки Псковского городища — между стоящим у крепостной стены зданием Порохового погреба XVII в. и размещенным в центральной части площадки городища домом притча (рис. 1). Слой в раскопе был разделен на “верхний” и “нижний”; границей между слоями стали две прослойки: 1) интенсивно-черного цвета прослойка пожара с обильным включением угля и 2) подстилающая пожар прослойка серо-желтого цвета с обильным включением частиц известкового раствора.

Верхний слой, перекрывавший реперные прослойки, представлен отложениями серого цвета с примесью кирпичного и плитнякового щебня, песка, известкового раствора. Общим для всего зафиксированного в верхнем слое шлейфа прослоек является присутствие здесь многочисленных находок позднесредневекового и постсредневекового времени, а также отсутствие в этом слое остатков застройки.

Нижний слой, подстилавший реперные прослойки, представлен отложениями темно-серого (до темно-коричневого и черного) цвета, содержащим обильную примесь щепы, древесного тлена, прослойки угля, песка, глины, золы, остатки построек (печи, очаги, фрагменты срубов, мостовые и проч.). Среди находок из этой части отложений резко преобладают фрагменты лепной керамики, что определяет верхнюю хронологическую границу нижнего слоя временем не позднее XI в.

Происходящие из реперной прослойки пожара предметы (медные заклепки, ножи, полихромные и муравленые изразцы, кафельные плитки с голубой и полихромной росписью, фрагменты черепицы, железные замки) позволяют датировать пожар временем не ранее XVIII в. Прослойка пожара сопоставима с пожаром, зафиксированным раскопками 1947 г. и соотносится, вероятно всего, с известным по письменным источникам пожаром 1778 г.³⁹

³⁸ Белецкий С. В. Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города) // КСИА, вып. 160. М., 1980, с. 3—18; он же. Начало Пскова. СПб, 1996.

³⁹ Кулакова М. И. Пожары в Псковском кремле XIII—XVIII вв. // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. I. СПб; Псков, 1997, с. 366.

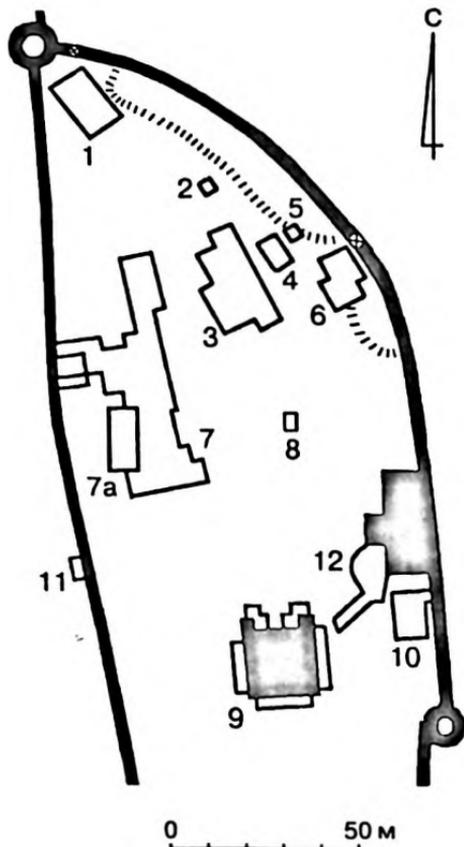

Рис. 1. Псковское городище. Местоположение раскопок разных лет (1 — 1960; 2 — 1930/2; 3 — 1941, 1946/2, 1947/3; 4 — 1936; 5 — 1930/1; 6 — 1961; 7 — 1946/1, 1947/4, 1948, 1949; 7а — 1977—1978; 8 — 1972; 9 — 1983; 10 — 1984; 11 — 1985; 12 — 1991—1992).

Реперная прослойка с примесью желтоватого известкового раствора имеет непосредственное отношение к строительной истории Порохового погреба. В процессе раскопок выяснилось, что отложения нижнего слоя вдоль стены погреба уничтожены траншеей до уровня предматерикового слоя; в заполнении траншеи найдены фрагменты круговой керамики XIII—XIV вв. и зафиксирована мощная прослойка угля, прорезанная фундаментным ровиком, а последний был перекрыт прослойкой желтоватого известкового раствора, при-

мыкающей к кладке здания. Е. В. Скрынникова, исследовавшая источники по истории Порохового погреба, достаточно убедительно связала существующее здание Порохового погреба с перестройкой 1636—1644 гг. после взрыва 1608 г. Первоначальная постройка, следы которой были отмечены в раскопках 1966 г.³, отличалась по плановому решению от ныне существующей: ее исследовательница относила к XVI в.⁴ Стратиграфия раскопа 1991—1992 гг. полностью подтверждает этот вывод:

³ Алешковский М. Х. Псков. Псковский кремль. Зелёная палата XV—XVI вв. Отчет об археологических раскопках 1966 г. // Архив ЦИРПМ, шифр 56, № 281.

⁴ Скрынникова Е. В. О реставрации и датировке Порохового погреба в Псковском кремле // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. II. СПб; Псков, 1997, с. 252—262.

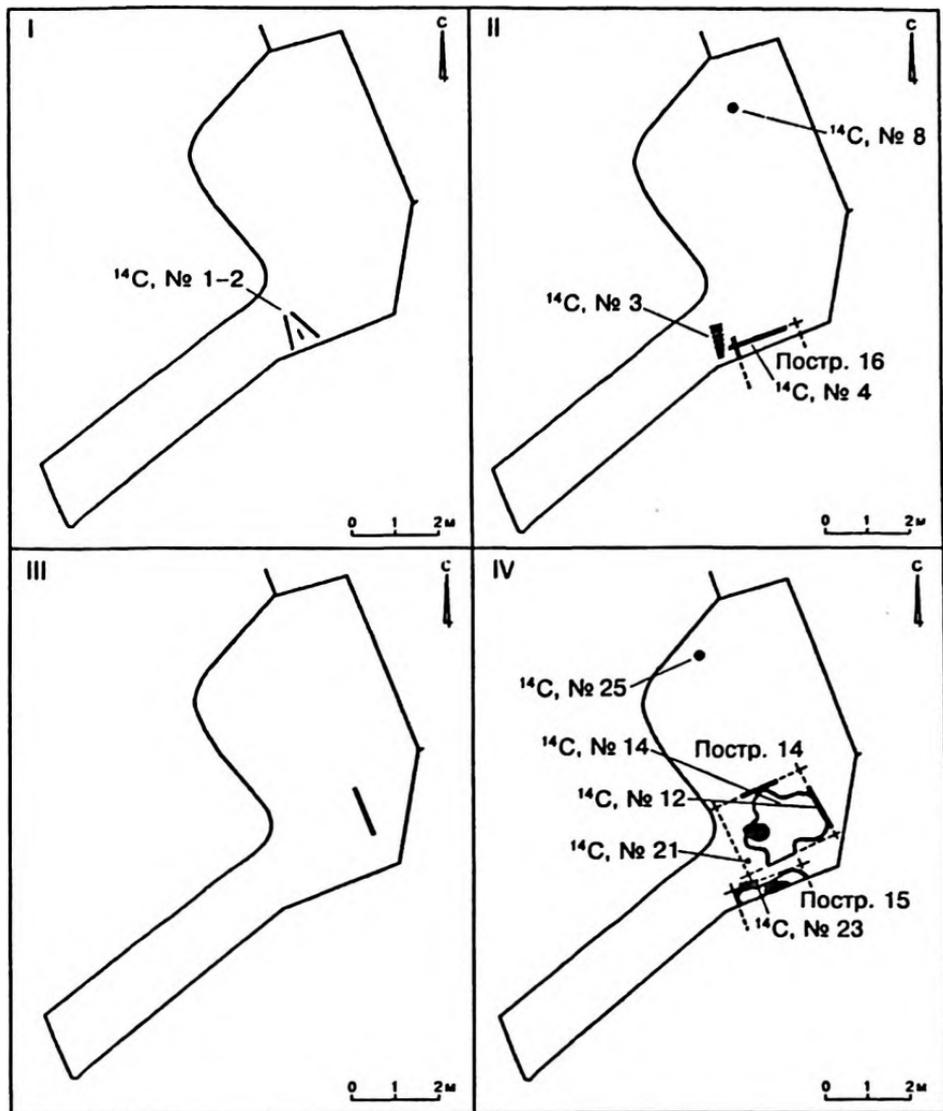

Рис. 2. Псковское городище Раскоп 1991—1992 гг. Яруса I—IV.
Условные обозначения см. рис. 4.

угольная прослойка, зафиксированная в заполнении траншеи, почти наверняка сформировалась в результате пожара, произошедшего после взрыва Порохового погреба в 1608 г., тем более, что аналогичная прослойка пожара была зафиксирована в шурфе 1972 г. непосредственно под

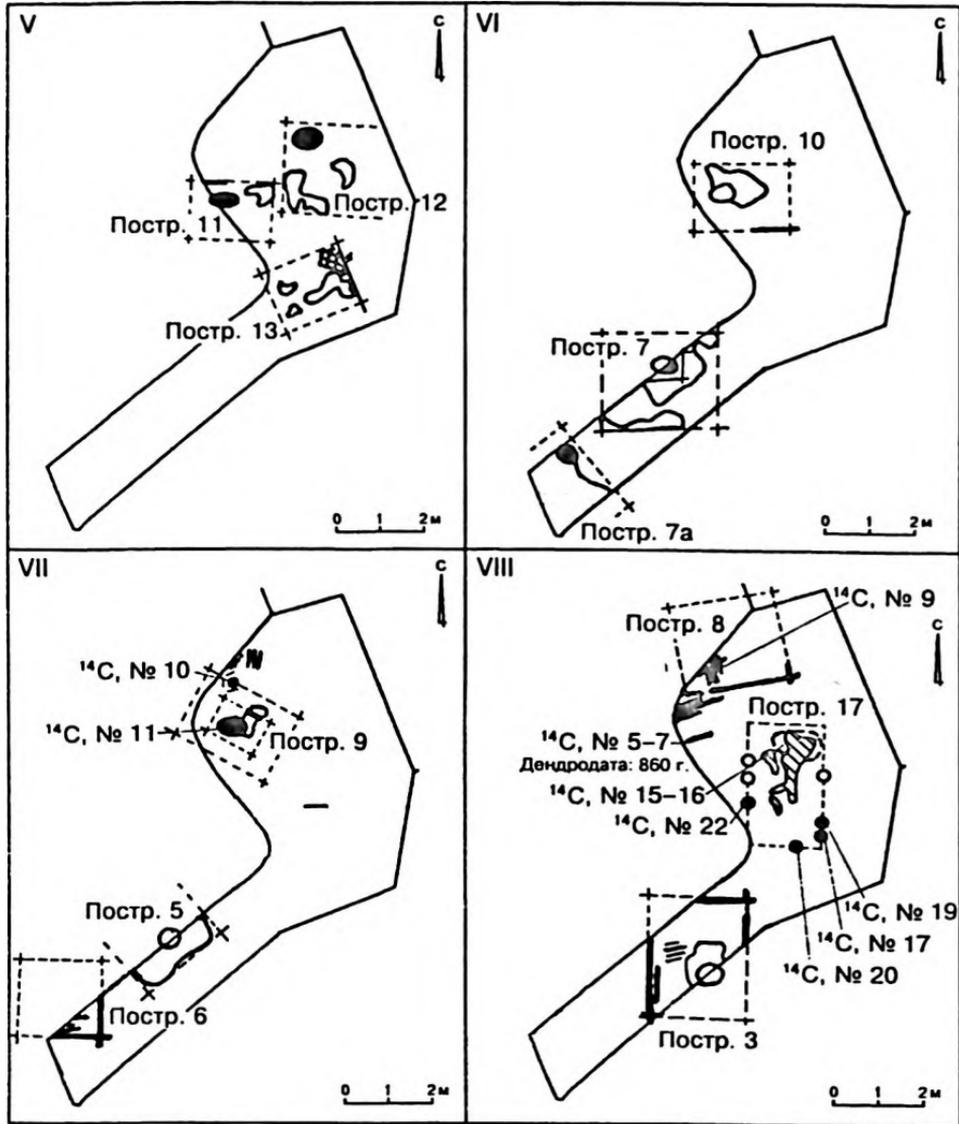

Рис. 3. Псковское городище Раскоп 1991—1992 гг. Яруса V—VIII.
Условные обозначения см. рис. 4.

полом южного помещения погреба. Таким образом, траншея вдоль стены здания представляла собой край котлована, в который был опущен подвальный этаж Порохового погреба. Засыпка котлована культурным слоем, содержащим предметы XIII—XIV вв., делает весьма вероятным

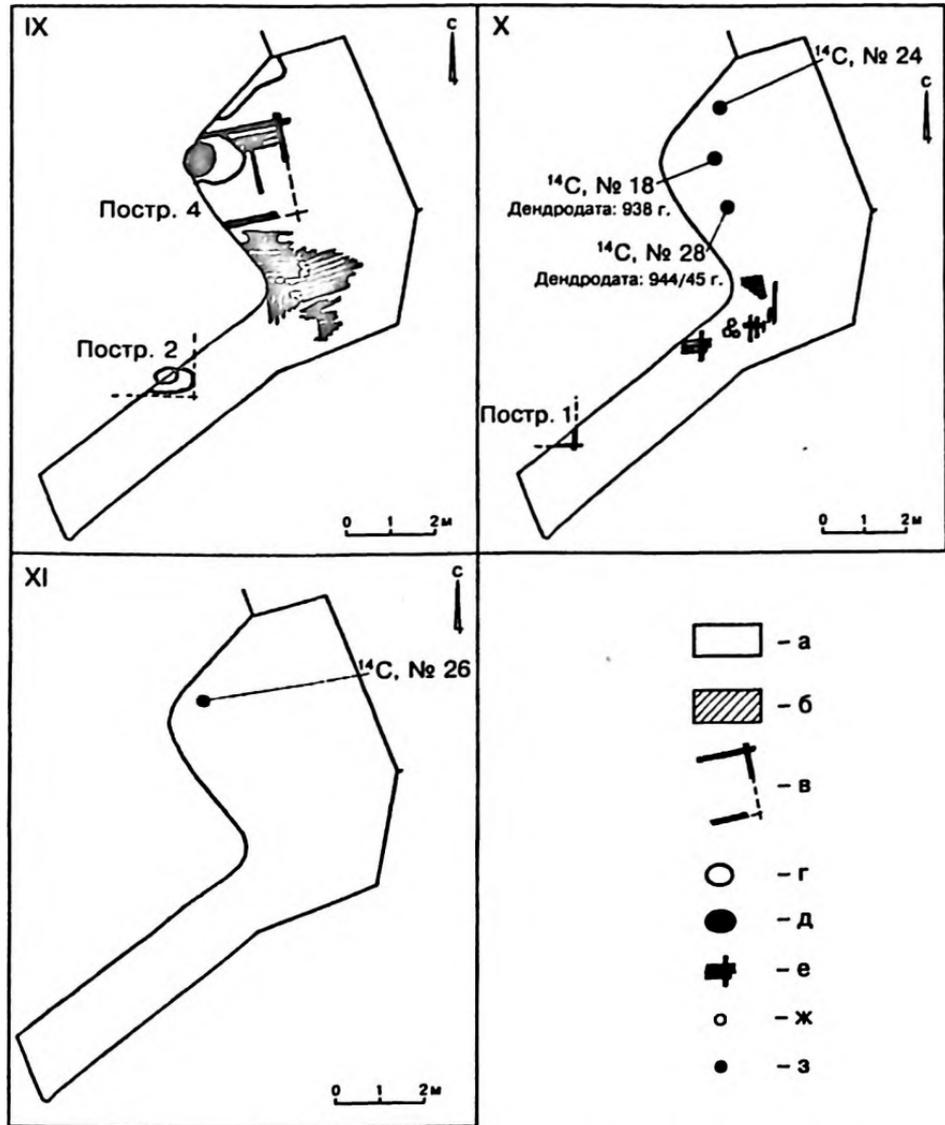

Рис. 4. Псковское городище Раскоп 1991—1992 гг. Яруса IX—XI.
 Условные обозначения (к рис. 2—4): а — фрагменты глинобитного пола;
 б — развал обожженных камней; в — фрагменты срубной постройки;
 г — очаг; д — глинобитная печь; е — деревянные конструкции;
 ж — столбовая яма; з — столб.
 Номера образцов ^{14}C соответствуют номерам в табл. 4—5.

предположение, что котлован связан с первоначальным зданием Порохового погреба XVI в. Со строительством же 1636—1644 гг. связан хорошо читающийся в стратиграфии восточной стенки раскопа фундаментный ровик, в который были опущены стены ныне стоящего (безобразно реставрированного) здания: этот ровик пререзает слой пожара 1608 г., а перекрыт прослойкой желтого известкового раствора со щебнем. Внешне частицы раствора из этой прослойки идентичны раствору, на котором положено существующее здание Порохового погреба. Таким образом, формирование в раскопе реперной прослойки желтого известкового раствора со щебнем связано со строительными работами 1636—1644 гг. Иными словами, хронологический разрыв между верхним и нижним слоями превышает шесть столетий. Ничем иным, кроме как уничтожением части слоя при проведении земляных планировочных работ перед строительством Порохового погреба, такую “лауну” объяснить не удается.

Стратиграфия нижнего слоя в раскопе 1991—1992 гг. для удобства сведена в таблицу 1. В этом слое открыт ряд “объектов” — перекрывающие друг друга пятна глинобитных полов, остатки конструкций стен построек (столбы, венцы срубов и проч.), разнообразные пятна и скопления древесного тлена, угля, песка, глины, вымостки из камней и дерева. В материке зафиксированы многочисленные ямы. В тех случаях, когда объекты слоя не соотносились между собой стратиграфически, то есть — не перекрывали друг друга, отнесение двух и более объектов к одному и тому же времени было крайне сложным. Затрудняла изучение объектов их сильная спрессованность. Большинство раскрытых объектов сильно фрагментированы и были в той или иной мере нарушены в древности. Судя по тому, что остатки полов построек сохранились пятнами, глинобитные печи в большинстве своем лишены купольной части, а бревна срубов сохранились только отдельными фрагментами, можно думать, что на участке городища, подвергнутом раскопкам, в древности неоднократно производились планировочные работы, при которых часть нижележащих напластований уничтожалась. Установить топографическое и хронологическое соотношение между собой раскрытых в процессе раскопок остатков застройки только на основании глубинных отметок залегания их в слое и стратиграфического взаиморасположения объектов между собой невозможно: требовался детальный анализ стратиграфического положения каждого из исследованных объектов, а для последующего выявления планиграфии раскопа было необходимо не только “расслоение” каждого из объектов на отдельные “уровни застройки”, но и последующая синхронизация этих уровней между собой (табл. 2).

В результате стратиграфического исследования открытых при раскопках объектов удалось расчленить нижний слой на 11 стратиграфических ярусов (рис. 2—4).

Датировку открытых в процессе раскопок “объектов” и сводных ярусов застройки затрудняла немногочисленность индивидуальных находок: к числу датирующих относятся единичные стеклянные бусины и несколько предметов из цветного металла, кости и рога. Определенными хронологическими ориентирами могут быть признаны результаты дендрохронологического изучения спилов из нижнего слоя раскопа. В 1992 г. была взята серия из трех спилов: два образца — столбы, прорезавшие напластования слоя до материка (порубочные даты 938 и 944 гг.), третий — бревно из слоя пожара II.1.2. (порубочная дата 860 г.)⁵. Немногочисленность образцов для дендрохронологических определений была, однако, очевидна уже во время раскопок, поэтому в том же 1992 г. была взята большая серия образцов для получения шкалы радиоуглеродных датировок слоя. Образцы были проанализированы в лаборатории ИИМК РАН (табл. 3). Выявился заметный разброс датировок — от III—VI вв. (образцы № 1—2) до XII—XIII вв. (образец 26), при этом значительную часть серии — 11 из 27 образцов, то есть, более 40% — составляют образцы, взятые со столбов, прорезавших культурный слой.

Однако полученные датировки при соотнесении датированных объектов со стратиграфическими наблюдениями оказываются весьма информативными, поскольку конечные результаты радиоуглеродного датирования ярусов застройки (табл. 4) позволяют перевести относительную хронологию ярусов в шкалу абсолютной хронологии (табл. 5).

Таким образом, раскоп 1991—1992 гг. стал среди раскопов на Псковском городище первым хорошо стратифицированным, то есть — выявившим древнейшие напластования слоя в сравнительно неповрежденном позднейшими перекопами состоянии. Результаты изучения материалов из этого раскопа, как представляется, должны учитываться при осмыслении культурной стратиграфии памятника.

---

⁵ Пользуемся случаем поблагодарить М. И. Кулакову (ПОМЗ), проводившую исследование образцов из раскопок 1992 г.

**СВОДНАЯ СТРАТИГРАФИЯ НИЖНЕГО СЛОЯ
В РАСКОПЕ 1991—1992 гг.**

Слой		Характеристика
II.1	II.1.1	Черный слой
	II.1.2	Прослойка пожара
	II.1.3	Черный слой
II.2	II.2.1	Черный слой со щепой и навозом
	II.2.2	Прослойка пожара
II.3	II.3.1	Черный слой
	II.3.2	Прослойка пожара
	II.3.3	Черный слой
II.4		Темно-серый плотный слой

Таблица 2

ЯРУСНАЯ СТРАТИГРАФИЯ РАСКОПА 1991—1992 гг.

Слой	Траншея	Южная часть раскопа	Центральн. часть раскопа	Северная часть раскопа	Яруса
II.1.1				столб	XI
	№ 1; настил; вымостка	настил		столбы	X
	№ 2	настил	№ 4; настил	№ 4	IX
II.1.2	№ 3	№ 17	№ 17	№ 8, деревянные констр.	VIII
II.1.3	№ 5, 6		бревно	№ 9	VII
II.2.1	№ 7, 7а		№ 10		VI
		№ 13	№ 11; № 12	№ 12	V
II.2.2		№ 14; № 15	№ 14	столб	IV
II.3.1		бревно			III
II.3.2		№ 16; настил		столб	II
II.3.3		бревна			I
II.4					

**РЕЗУЛЬТАТЫ РАДИОУГЛЕРОДНОГО ДАТИРОВАНИЯ
НИЖНЕГО СЛОЯ ПСКОВСКОГО ГОРОДИЩА**

№	Шифр	Происхождение	Материал	¹⁴ C (BP)	Калибров. дата по программе Groningen 1.20 (1995), cal AD/BC
1	ЛПЕ-4758	Бревна, кв. 2601г, 2569б, гл.+248—+253,	уголь	1650±40	340—364 AD 372—446 AD 490—492 AD 518—528 AD
2	ЛПУ	То же	уголь	1730±50	252—296 AD 316—388 AD
3	ЛПЕ-4757	Деревянный настил, кв. 2601в, 2601г, 2569а, 2569б, гл. +249—+254	дерево	1430±40	610—656 AD
4	ЛПЕ-5119	Бревно, кв. 2661г, гл. +256—+261	дерево	1360±35	646—690 AD
5	ЛПЕ-4756а	Бревно, кв. 2661г, гл. +284, внешние кольца (дендродата 860 г.)	дерево	1165±50	796—798 AD 816—844 AD 854—898 AD 908—965 AD
6	ЛПЕ-4756б	То же, внутренняя часть спила	дерево	1190±30	792—804 AD 814—848 AD 851—886 AD
7	ЛПУ	То же, внутренняя часть спила	дерево	1320±50	664—720 AD 736—770 AD
8	ЛПЕ-5102	Столб, кв. 2662б, гл.+290	дерево	1420±40	616—660 AD
9	ЛПЕ-5103	Бревно, кв. 2662а, 2662б, гл.+282—+290	дерево, дерев. труха	1200±30	792—804 AD 814—848 AD 851—882 AD
10	ЛПЕ-5104	Столб, перекрытый деревянным настилом, кв. 2661б, гл.+261—+274	дерево	1300±40	676—722 AD 736—772 AD
11	ЛПЕ-5105	Деревянные конструкции свода печи, кв. 2662в, гл.+285—+289	дерево, кора	1210±30	792—804 AD 812—874 AD
12	ЛПЕ-5110	Бревно над прослойкой глинобит-	уголь	1300±30	678—718 AD 740—768 AD

		ного пола, кв. 2601б, гл.+261—+274			
13	ЛЕ-5114	Бревно под прослойкой глинобитного пола, кв. 2601а, гл.+257—+258	уголь	1330±30	662—706 AD 748—760 AD
14	ЛЕ-5111	Прослойка пожара, кв. 2602а, гл.+256—+270	уголь	1300±25	680—717 AD 740—768 AD
15	ЛЕ-5112	Углистая прослойка (верхняя), яма № 22, гл.+179	уголь	1160±40	822—838 AD 868—902 AD 904—966 AD
16	ЛЕ-5113	Углистая прослойка (нижняя), яма № 22, гл.+165	уголь	1360±30	652—680 AD
17	ЛЕ-5108	Столб, кв. 2602а, гл.+260	уголь	1270±30	694—752 AD 756—780 AD
18	ЛЕ-4754	Столб, кв. 2662в, гл.+263 (дендродата 938 г.)	дерево	1085±40	894—916 AD 956—1010 AD
19	ЛЕ-5109	Столб, кв. 2602а, гл.+264	уголь	1220±40	780—876 AD
20	ЛЕ-5115	Столб, кв. 2601б, гл.+264	дерево	1230±35	776—826 AD 832—874 AD
21	ЛЕ-5117	Столб, кв. 2601г, гл.+269	истлевшее с дерево	1280±30	694—752 AD 756—774 AD
22	ЛЕ-5118	Столб, кв. 2633в, гл.+268	дерево	1240±30	722—734 AD 772—822 AD 836—870 AD
23	ЛЕ-4759	Группа колышков, кв. 2569б, гл.+271	дерево	1210±35	790—808 AD 812—876 AD
24	ЛЕ-5106	Столб, кв. 2662а, гл.+278	дерево	1060±35	972—1018 AD
25	ЛЕ-5107	Столб, кв. 2662а, гл.+281	уголь	1280±30	694—752 AD 756—774 AD
26	ЛЕ-4760	Столб, кв. 2661г, гл.+314 (дендродата 944 г.)	дерево	850±40	1166—1251 AD
27	ЛЕ-5101	Деревянный настил, кв. 2661б, 2662а, гл.+296—+309	дерево	1410±50	610—668 AD

СУММАРНЫЙ АНАЛИЗ ДАТИРОВОК
ПО ЯРУСАМ РАСКОПА 1991—1992 гг.

№	Ярус или комплекс	Общее кол-во учитываемых датировок	№№ образцов по табл. 4	Суммарный календарный интервал, 16, cal AD
1	Ярус I	2	1, 2	275...470
2	Ярус II, постройка 16	2	3, 4	620...685
3	Ярус II, постройка 16 + столб	3	3, 4, 8	612...680
4	Ярус IV, постройка 14	3	12, 14, 21	693...757
5	Ярус IV, постройка 14 + столб	4	12, 14, 21, 25	699...764
6	Ярус VII, постройка 9	1	11	792...864 812...874
7	Ярус VII	1	10	676...722 736...772
8	Ярус VIII, постройка 17	6	15—17, 19, 20, 22,	663...681 739...867
9	Ярус VIII, постройка 17	4	17, 19, 20, 22	740...847
10	Ярус VIII, бревно	2	5, 6	819...916 (дендродата — 860 г.)
11	Ярус VIII, постройка 8	1	9	792...804 814...848 851...882
12	Ярус VIII	7	5, 6, 15, 17, 19, 20, 22	760...928
13	Ярус VIII, постройка 17 + яма 22	5	15, 17, 19, 20, 22	738...860
14	Ярус X, столбы	2	18, 24	952...1009

**ХРОНОЛОГИЯ ЯРУСОВ ЗАСТРОЙКИ
В РАСКОПЕ 1991—1992 гг.**

Яруса	Датировка
XI	вторая половина X — начало XI вв.
X	середина X в.
IX	вторая половина IX — начало X вв.
VIII	первая половина IX в. (гибнет в пожаре 862 г.?)
VII	конец VIII — начало IX вв.
VI	вторая половина VIII в.
V	первая половина VIII в.
IV	конец VII — начало VIII вв.
III	вторая половина VII в.
II	первая половина VII в.
I	III—V вв.

УСАДЕБНАЯ АРХЕОЛОГИЯ РОССИИ

В 1999 г. Псковская областная экспедиция ИИМК РАН провела археологическую разведку усадьбы Воскресенское конца XVIII — начала XX вв. Задачи работ экспедиции были достаточно конкретными — установить возможности соотнесения плана усадьбы 1786 г. с современной топографической ситуацией и определить местоположение барского дома конца XVIII в. Объекты, нанесенные на план 1786 г., удалось более или менее точно локализовать на местности, так что задачи разведки 1999 г. были выполнены¹. Однако по завершении полевого сезона стало ясно — для проведения полного цикла реставрационных и музеефикационных работ на усадьбе Воскресенское требуются значительные по объему археологические раскопки: по самым скромным подсчетам площадь раскопов, необходимых для полноценного изучения центральной части усадьбы (барского дома, парадного двора, построек вокруг него, фрагмента подъездной аллеи и проч.) превысит 4 тыс. кв. м без учета работ в пространстве парковой зоны усадьбы.

С перспективой масштабных археологических раскопок дворянской усадьбы эпохи Нового времени я столкнулся впервые. Естественно, что захотелось познакомиться с результатами уже проводившихся исследований на подобного рода памятниках. Но вот тут как раз и начались главные трудности.

Просмотр литературы по истории дворянских усадеб России — от “Сборников Общества изучения русской усадьбы” 1927—1929 гг. до материалов последних конференций, проводившихся возрожденным ОИРУ, и от исследований отдельных конкретных усадеб вплоть до обзорных работ и каталогов-справочников по усадьбам — привел к печальному результату: выяснилось, что полноценное археологическое изучение дворянских усадеб в России до последнего времени не проводилось.

¹ Белецкий С. В. Раскопки усадьбы Воскресенское в 1999 г. // Далекое прошлое Пушкиногорья, вып. 4. Культурология. Новые археологические исследования. СПб, 1999, с. 42—62; он же. Раскопки усадьбы конца XVIII — начала XX вв. в Пушкинских горах // *Archaeologia Petropolitana*, № III. СПб, 1999, с. 24—27; он же. Археологические памятники Пушкинского заповедника // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. Доклады Международного научного симпозиума по вопросам археологии и истории. 11—14 мая 1999 г. Пушкинские горы. СПб, 2000, с. 49—50.

Разумеется, трудно было бы ожидать от энтузиастов ОИРУ проведения в 1920-е годы археологических раскопок на дворянских усадьбах XIX в.: это было нереально по вполне объективным причинам: со времени прекращения активной жизни усадеб прошли считанные годы, да и пепелища гражданской войны в большинстве случаев еще не успели зарости. Естественно, что деятельность В. В. Згуры и его коллег была направлена на более актуальные в то время задачи — зафиксировать, обследовать, описать, обмерить существующие усадьбы с их постройками и интерьерами, парками и прудами, большими и малыми архитектурными формами². При этом условия, в которых проводились работы, были, мягко говоря, не вполне комфортны. Не буду напоминать о типичном отношении к дворянским усадьбам — это отношение точно охарактеризовал А. Н. Рыбаков в “Бронзовой птице”. Да и судьба большинства активных членов ОИРУ, репрессированных в начале 1930-х годов³, говорит сама за себя.

Но есть и иные причины. Со времен графа Уварова археология в России ограничивалась периодом “до 1700 г.” Дворянские усадьбы XVIII—XIX вв., вполне объективно выпадают за пределы археологии в традиционном понимании целей и задач этой научной дисциплины. Существовавший в профессиональной среде археологов скепсис в отношении возможностей и целесообразности археологии Нового времени вообще, таким образом, напрямую относился к археологии усадеб.

Положение не изменилось и после октябрьского переворота. Правда, первые профессиональные раскопки памятника XVIII в. — Петербурга — были проведены А. Д. Грачом еще в 1952 г.⁴, однако для советской археологии в целом также характерен скепсис в отношении исследований памятников петровского и постпетровского времени (уже не говоря о пушкинской эпохе).

Ситуация с археологическими исследованиями памятников эпохи Нового времени начало меняться в 1970-е годы, когда после двадцатилетнего перерыва возобновились эпизодические раскопки в Петербурге⁵. В 1980-е годы проводились масштабные археологические раскопки

---

² Меленевская М. Ю. Воспоминания семьдесят лет спустя // Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы, вып. 1 (17). Москва; Рыбинск, 1994, с. 11—18.

³ Там же, с. 18; Иванова Л. В. Общество изучения русской усадьбы и задачи его возрождения // Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы, вып. 1 (17). Москва; Рыбинск, 1994, с. 8.

⁴ Грач А. Д. Археологические раскопки в Ленинграде. М.; Л., 1957.

⁵ Сорокин П. Е. Археологические исследования и проблемы сохранения культурного слоя на территории Санкт-Петербурга // *Archaeologia Petropolitana*, № 1. СПб, 1996, с. 20—47.

в Пскове и Минске, при которых исследовались не только средневековые отложения, но и отложения эпохи Нового времени⁶. А к середине 1990-х годов “археология Нового времени” обрела с созданием Научного Совета по археологии Петербурга “права гражданства”. В немалой степени этому способствовали проведение сплошного мониторинга культурного слоя в пределах территории Петербурга⁷, начавшаяся под эгидой Совета публикация альманаха “Археология Петербурга”⁸, а также издание сборника научных статей памяти А. Д. Грача⁹.

Сказанное позволяет утверждать: к концу XX в. археология Нового времени в качестве отдельного самостоятельного направления в современной славяно-русской археологии состоялась.

Возвращаясь к усадебной археологии отмечу, что первый опыт профессиональных раскопок дворянской усадьбы XVIII—XIX вв. относится, как будто бы, к 1936 г., когда в преддверии столетия со дня гибели А. С. Пушкина К. К. Романов провел сплошное вскрытие фундаментов барского дома в Михайловском¹⁰; результаты этих раскопок послужили основным источником при разработке проекта воссоздания постройки. Однако после раскопок Романова в Михайловском наступил перерыв, и все последующие работы — и разведки С. Б. Горбатенко в Стрельне¹¹, и раскопки В. А. Коренцива в Ораниенбауме¹², и исследования усадьбы Дж. Кваренги в Царском селе¹³, и, наконец, работы Ю. Б. Бирюкова в

---

⁶ Археологическое изучение Пскова, вып. 2, Псков, 1994; Археологія і нумізматика Беларусі. Энциклапедыя. Мінск, 1993, с. 428—434.

⁷ Михайлова Е. Р., Кузьмин С. Л., Соболев В. Ю., Глыбин В. А. Работы по программе “Археология Петербурга”. Предварительные итоги // *Archaeologia Petropolitana*. № III, СПб, 1999, с. 7—19.

⁸ *Archaeologia Petropolitana*, № I, СПб, 1996; № II, СПб, 1998; № III, СПб, 1999.

⁹ Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб, 1998.

¹⁰ См. статью Г. В. Длужневской в настоящем сборнике.

¹¹ Горбатенко С. Б. “Фаворит” — стрельнинская усадьба А. Д. Меншикова // Краеведческие записки. Исследования и материалы, вып. 5, СПб, 1997, с. 72—77.

¹² Коренцив В. А. Последний дворец А. Д. Меншикова “Монкураж” // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1993. М., 1994; он же. Крепость Петерштадт (археологические исследования в Ораниенбауме) // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1993. М., 1994.

¹³ Капашев С. В., Андреева О. В. Археологические исследования на территории усадьбы Дж. Кваренги в Царском Селе // Древние культуры и технологии. Новые исследования молодых археологов Санкт-Петербурга. СПб, 1996.

Тригорском, Михайловском и Петровском ¹⁴ — все эти работы были подчинены локальным задачам: выявить шурфами местоположение той или иной несохранившейся постройки, проследить соотношение во времени отдельных частей существующей постройки, установить состояние фундаментов, определить возможности проведения реставрационных работ. Разумеется, все это — крайне необходимые исследования, без которых достоверная реставрация и, тем более, реконструкция архитектурных объектов вряд ли возможна. Но это еще не есть археология — это только подступы к ней: реставрационные шурфы из-за ограниченности вскрытых площадей не позволяют уяснить археологический контекст памятника. Исключение составляют, пожалуй, только комплексные историко-археологические исследования, начатые в 1993 г. И. А. Дашковой и продолженные в 1997 г. А. Салимовым на усадьбе Малинники в Тверской обл.: в процессе этих работ было вскрыто более 1 тыс. кв. м культурного слоя, исследована большая часть барского дома с примыкающими к нему участками двора усадьбы ¹⁵. Однако и эти раскопки концентрировались на изучении остатков строений, а прочие объекты усадебного комплекса остались неизученными.

Теоретически археологу-профессионалу должно быть безразлично, какого характера памятник ему предстоит подвергнуть раскопкам: существуют отработанные методики полевых археологических работ, давно определены требования к технике фиксации раскрываемых объектов и правилам учета находок. Но особенности проведения раскопок разных типов поселений, все-таки, различаются, и различия эти диктуются, прежде всего, спецификой культурного слоя разнотипных памятников. На поселениях разных типов процесс слоеобразования мог протекать (и, безусловно, протекал), по-разному ¹⁶.

На характеристике особенностей культурного слоя основных археологических типов поселений — селищ, городищ и городов — я остановлюсь чуть подробнее, поскольку без этих характеристик будет трудно прогнозировать специфику археологического изучения усадеб.

---

¹⁴ Бирюков Ю. Б. Итоги археологического исследования построек усадьбы Тригорское // Михайловская Пушкиниана. Тригорский сборник. Пушкинские Горы, 1998, с. 19—24.

¹⁵ Салимов А., Салимова М., Бахарева Ю., Бахарева Н. Усадьба Малинники Старицкого уезда Тверской губернии в XIX—XX веках (историко-архитектурное исследование) // Тверская старина, № 16—17. Тверь, 1999, с. 3—27.

¹⁶ См. Статью В. В. Седова и С. В. Белецкого в настоящем сборнике.

“Селищами” принято называть сельские поселения, не имевшие искусственных фортификаций. Многие селища существовали сравнительно ограниченный отрезок времени, укладывающийся в несколько десятилетий, хотя часто период непрерывного существования сельского поселения на одном и том же месте исчисляется несколькими столетиями. Культурный слой на селищах, как правило, не слишком мощный (от нескольких сантиметров до полуметра, редко более), стратиграфия слоя сравнительно простая, объекты (остатки жилых и хозяйственных построек, развалы отопительных сооружений и проч.) — немногочисленны. Впрочем, при раскопках широкими площадями эти данные позволяют реконструировать топографические структуры поселений, состоявших из более или менее одинаковых построек или групп построек (дворов).

Классическим примером селищ в черте Пушкинского заповедника являются селище I тысячелетия по Р.Х. в пространстве между усадьбой Михайловское и оз. Маленец, а также два древнерусских селища у подножия “Холма лесистого”. В черте большинства деревень Пушкиногорья зафиксированы выходы культурного слоя с находками XV—XVIII вв., свидетельствующими о том, что деревни были основаны не позднее этого времени; эти выходы культурного слоя также обозначены в научной литературе как “селища”¹⁷.

“Городища” — остатки поселений, имевших, наряду с природными, также искусственные укрепления (валы, рвы). Мощность культурного слоя на городищах различна — от нескольких десятков сантиметров до нескольких метров. Особенностью культурного слоя на этих памятниках является заметная насыщенность отложений различными “объектами” — остатками разновременной плотной застройки. Чаще всего, остатки деревянных построек сохраняются фрагментарно в виде следов древесного тлена, угля, прокаленности почвы и проч. Но в ряде случаев органические остатки в слое сохраняются хорошо (в том числе — сохраняются нижние венцы деревянных построек и деревянные замощения). На городищах могут быть встречены также остатки каменного строительства — фундаменты и цокольные этажи построек, подвалы и проч.

Городища эпохи средневековья являлись, зачастую, детинцами городов и городков, тогда вокруг городища существовали неукрепленные посады, археологически сходные с селищами.

В черте Государственного Пушкинского заповедника типичными примерами городищ являются Воронич и Савкина горка, при этом горо-

---

¹⁷ Белецкий С. В. Пушкинский край по данным археологии // Далекое прошлое Пушкиногорья. вып. 2. Археология. СПб, 1998, с. 59—65, 69, 72—74.

дше Воронич, окруженное селіщами, представляет собой дтинец псковского пригорода, а селіща (в том числе — в черте современной деревни Воронич) являются остатками городских посадов¹⁸.

“Город” — долговременный населенный пункт со значительно концентрацией населения и сравнительно плотной застройкой. Основными археологическими объектами, фиксируемыми при раскопках городов, являются остатки застройки — жилые, хозяйственные и культовые постройки, а также фортификационные сооружения. Культурный слой городов, содержащий в себе многочисленные объекты застройки, вплоть до XIV—XV вв. формируется достаточно быстро за счет обильной примеси навоза и хорошей сохранности органики (в том числе, нижних венцов жилых и хозяйственных построек, частоколов, деревянных замощений и проч.), достигая нескольких метров. Начиная с XV в. темп нарастания слоя в средневековых русских городах снижается, но это связано, с одной стороны, с изменением требований к системе городского благоустройства, а, с другой стороны — с переходом к новой системе землепользования и начавшемся процессе вывоза навоза на поля за пределы городской территории. Слои XV—XVII вв. в городах как правило значительно хуже сохраняют органику, но от этого не становятся менее насыщенными объектами застройки: просто объекты эти становятся фрагментарными. Наконец, слои XVIII—XX вв. в городах характеризуются многочисленными остатками каменной застройки, при которой более древние отложения культурного слоя как правило сильно нарушаются котлованами подвалов и фундаментными рвами, а также траншеями разного рода городских коммуникаций.

На Псковщине классическим примером города — с разнообразием стратиграфических характеристик культурного слоя и содержащихся в нем археологических объектов — является Псков¹⁹.

Таким образом, при раскопках городищ и городов мы сталкиваемся с культурным слоем сложной стратиграфии, насыщенным разнотипными и разновременными объектами, в том числе — архитектурными. При раскопках же сельских поселений мы имеем дело, как правило, с культурным слоем не слишком мощным и стратиграфически сравнительно простым. Разумеется, это не означает, что во втором случае требования

---

¹⁸ Там же, с. 55—59, 70—72; Белецкий В. Д. Археологические работы в Государственном Заповеднике им. А. С. Пушкина // Далекое прошлое Пушкиногорья, вып. 2. Археология. СПб, 1998, с. 28—53.

¹⁹ Археологические изучения Пскова, вып. 1, М., 1983; вып. 2, Псков, 1994; вып. 3, Псков, 1996.

к фиксации могут быть иными, чем в первом, но раскопки селищ, безусловно, технически проще нежели раскопки городищ и городов.

Стоит отметить одну терминологическую путаницу, которая представляется мне весьма знаменательной. При характеристике жилой застройки, открываемой при раскопках средневековых русских городов, в литературе традиционно используется термин “усадьба” (“городская усадьба”). Однако те археологические комплексы построек, которые обычно именуется “усадьбами”, таковыми не являются: речь должна идти о *дворах* — сравнительно ограниченных по площади участках, обнесенных частоколами, ориентированных с учетом уличных проездов и плотно застроенных жилыми и хозяйственными постройками. Разумеется, наряду с жилой застройкой в черте городов существовали пространства, занятые садами и огородами, но единичность такого рода археологических объектов только подтверждает общую картину. Городские *усадьбы* же, известные по Петербургу — это явление сравнительно позднее, относящееся к эпохе Нового времени.

Таким образом, термин “усадьба”, применительно к археологизированным дворам средневекового города используется заведомо некорректно. Феномен дворянской усадьбы в России не находит реальных истоков ни в городских, ни в сельских поселениях. Попытки выявить истоки этого феномена в так называемых “усадищах” — поместьях XVI—XVII вв., как будто бы, также не дают положительного результата: судя по сохранившимся описаниям, усадища в XVI—XVII вв. являлись составными частями сельских поселений, и, даже будучи вынесенными за пределы сельского поселения, сохраняли подобный последнему облик. Существование дворянских усадеб в России, адекватных по своим функциям средиземноморским виллам, все-таки укладывается в интервале от XVIII до начала XX вв.

Возвращаясь к археологии дворянских усадеб России заметим — эти памятники повсеместно имеют сравнительно тонкий культурный слой, сохранившийся пятнами. Такая характеристика слоя усадьбы принципиально отличает его от культурного слоя городов и городищ и сближает археологические характеристики усадьбы с селищами. Однако, формирование культурного слоя на усадьбе происходило по иным законам, нежели формирование культурного слоя на селищах. На селище основным слоеобразующим фактором является повседневная жизнедеятельность человека, археологизированная (без учета экстремальных ситуаций типа пожара) в бытовом мусоре и разнообразных ямах (столбовых, кольевых, хозяйственных и проч.). На усадьбе повседневная жизнедеятельность человека влияет на формирование культурного слоя

в значительно меньшей степени из-за принципиально иных требований к благоустройству: здесь происходят регулярные уборки территории и не допускается скапливания на поверхности бытовых отходов, в том числе — пищевых, делающих слой, благодаря своему гниению, гумусированным. Зато на первый план в формировании культурного слоя на усадьбе выходит появление нивелировочных подсыпок и строительных линз, материализовавших собой застройку территории усадьбы не только жилыми и хозяйственными постройками, но также памятниками архитектуры. Важная роль архитектурно-строительной деятельности в процессе слоеобразования сближает археологическую характеристику усадьбы с характеристиками археологии города (хотя, разумеется, ни о каком тождестве культурного слоя города и усадьбы речи нет).

Другим важным отличием усадьбы от селища является принцип застройки. Территория сельского поселения, как правило, складывалась постепенно и представляет собой совокупность более или менее однотипных дворов. В то же время первоначальная застройка усадьбы как правило является результатом однократного действия. Отсюда следует очевидный вывод: для получения необходимой информации о типовой планировке селища в большинстве случаев достаточно исследовать один-два отдельно взятых двора. В то же время, для полноценного археологического изучения усадьбы требуются раскопки значительной ее части, причем раскопкам должны быть подвергнуты не только постройки, но и свободное от застройки пространство, занятое типично “усадебными” объектами — цветниками и клумбами. Принципы археологизации последних пока остаются неясными.

Принципиальным отличием усадеб как от селищ, так и от городов является то обстоятельство, что усадебный комплекс включает в себя, кроме собственно центрального двора с его постройками, также парковую зону с ее газонами, аллеями, прудами и малыми архитектурными формами (фонтаны, гроты, парковая скульптура и проч.). Процесс слоеобразования в нежилой зоне усадебного комплекса практически не протекал, поэтому говорить о раскопках культурного слоя не приходится — собственно культурного слоя (в традиционном понимании этого термина) в парковой зоне нет вовсе. Казалось бы, что раскопки этой части территории усадьбы бесперспективны. Однако даже беглое знакомство с некоторыми из сохранившихся усадеб дает основание считать, что в этих зонах усадебного пространства также протекал процесс археологизации — при неоднократных перепланировках и реконструкциях парка археологизации подвергаются элементы парковой архитектуры (пруды, аллеи и проч.) реставрация и музеефикация которых без предваритель-

ного археологического изучения может привести к значительным искажениям первоначального облика²⁰. Для изучения аллей может быть использован опыт раскопок уличных проездов в городах и правила фиксации разнотипного дорожного покрытия, изучавшегося, главным образом, при раскопках городов. В процессе археологического изучения малых архитектурных форм применимы методики архитектурной археологии, также разработанные в условиях раскопок городов. В то же время, методику археологического изучения, например, газона или клумбы, еще только предстоит нарабатывать, а единственным ориентиром для изучения структуры заброшенного и одичавшего парка является пока подеревная топографическая съемка.

Завершая предварительный обзор вероятных особенностей усадебной археологии хочу повторить: в процессе раскопок усадьбы, очевидно, потребуются применение не только методических приемов, отработанных при раскопках селищ, городищ и городов, но также разработка новых методик полевого археологического исследования. Иными словами, дворянские усадьбы России по своим археологическим характеристикам являются особым типом поселений, отличающимся как от селищ, так и от городов. И это дает право закрепить за данным типом археологических памятников обозначение “усадьбище”, кажется, впервые примененное Г. Н. Василевичем²¹.

---

²⁰ Агальцова В. А. Основные положения проекта восстановления и реконструкции парка Тригорское // Михайловская Пушкиниана. Тригорский сборник. Пушкинские Горы, 1998, с. 15—18.

²¹ Василевич Г. Н. Пушкиногорье. Юбилейные заметки // Далекое прошлое Пушкиногорья. вып. 4. Культурология. Новые археологические исследования. СПб, 1999, с. 6.

МЕТОДИКА РАСКОПОК: ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ¹

Общеизвестно, что только профессионалы вправе производить раскопки, ибо только они знают строгую методику раскопок и инструкции ведущих учреждений, аккумулирующие опыт науки. Но выдающиеся археологи (Мортимер Уилер, А. Леруа-Гуран, Л. Бинфорд) не раз высказывались в том духе, что раскопки сродни хирургии и в большой мере — не наука, а искусство. Что усвоить его из учебников и инструкций нельзя. Резон этой снобистской идеи в том, что полевые открытия — всегда езда в незнаемое и предусмотреть всё рецептами невозможно. Поэтому при всей полезности писанных правил и обязательности принятых норм археологу нужен полевой опыт под руководством профессионалов и набор общих принципов, позволяющих вырабатывать конкретную методику по ходу раскопок.

Однако этот набор принципов оказывается внутренне противоречивым: одни принципы требуют таких действий, которые не согласуются с другими принципами. Делать ли вертикальные разрезы или горизонтальные срезы; уповать на бровки, дающие профили, но загромаждающие раскоп, или предпочитать вскрытие широкими площадями; копать тотально или придерживаться неразрушительной археологии и т. д. — всегда перед археологом стоит выбор. Этот выбор зависит от ситуации в поле, средств экспедиции и от традиций научной школы.

Ныне российские археологи переживают стрессовую ситуацию: резко изменились характер ассигнований и условия работ, одновременно наладились контакты с мировой наукой, от которой мы прежде были отгорожены “железным занавесом”. Наши археологи стали посещать западные экспедиции, а западные археологи начали копать на нашей территории. Столкнулись в поле две методические традиции, развивавшиеся долгое время порознь.

Соответственно требованиям идеологии советская археология провозглашала свою полевую методику самой передовой в мире, опираясь на действительный приоритет в некоторых вопросах (открытие палеолитических жилищ, сдвиг интересов к массовому материалу) и не видя

¹ Клейн Л. С. Обсуждение методики раскопок в Европейском университете Санкт-Петербурга // *Archaeologia Petropolitana*, № II. СПб, 1998, с. 50—51.

свое отставание в технической оснащении и многом другом. Дружеская, но резкая критика советской полевой методики, содержащаяся в конфиденциальном письме Чайлда (1956), была проигнорирована, а письмо обнаружено только в 1992 г.

Сейчас мы отшатнулись к другой крайности. В обстановке общего краха (или по крайней мере кризиса) марксистской идеологии знакомство с техническим оснащением западных экспедиций и их методическими новациями породило готовность некоторых археологов помоложе перенять западную методику. Эти археологи быстро перешли “от неприятия к восхищению, от восхищения к пониманию”.

Надо разобраться — сопоставить обе научные традиции в этом деле, сравнить их и выявить преимущества и недостатки каждой, а тем самым выяснить, по какому пути развивать нашу методику дальше. Надо установить, что приемлемо для нас в западной методике (и что доступно), а что нет и по каким причинам. Для этого я собрал в своем проблемном семинаре (он сейчас действует в Европейском университете) тех археологов, которые уже работали совместно с западными в поле, и предложил обменяться впечатлениями. На четырех трехчасовых заседаниях выступали В. А. Трифонов, С. А. Васильев, Н. С. Жуков, В. И. Тимофеев, О. И. Богуславский, В. Я. Шумкин, В. А. Завьялов, Г. П. Григорьев, Е. М. Колпаков, Е. Ю. Гиря, В. С. Бочкарев, А. Н. Щеглов и др.

Мнения выступавших расходились — от “мы безнадежно отстали не только в технике” до “им еще у нас поучиться надо”. Однако постепенно начала выкристаллизовываться более взвешенная оценка ситуации. Далее я попытаюсь сугубо предварительно изложить ее суть, как я ее понимаю. Этим пониманием я во многом обязан участникам обсуждения, а в возможных неточностях и отклонениях от реальной картины прошу винить меня. Однако в дальнейшем предполагается опубликовать материалы дискуссии.

Нет единой западной методики раскопок — методы различаются по странам и школам и по экспедициям (большим и маленьким, богатым и бедным, спасательным и на бюджете университетов). Различаются еще больше, чем у нас. Однако можно составить представление о некоем ориентировочном уровне ведущих школ.

Безусловных преимуществ перед нашей наукой они достигли не только в техническом оснащении лучших экспедиций (компьютер в поле, лазерный теодолит, специально изготовленный шанцевый инструментарий и проч.), но и в проведении принципиальных исследовательских требований: более полное и тщательное извлечение информации из источников (флотация, разнообразные экспертные анализы); более до-

тошная и неукоснительная фиксация всего обнаруженного; незамедлительное и полное издание — практически сразу после раскопок.

Что же касается методов вскрытия памятника, то в этом у западных археологов есть преимущества перед нашей методикой лишь в определенных ситуациях, оборачивающиеся недостатками — в других. Для ведущих современных школ, особенно английских и американских, характерно стремление связать раскопщика рядом детальных инструкций и снабдить его заготовленными формулярами-бланками записей, чтобы он мог легко фиксировать (без упущений) физические параметры найденных объектов, не задаваясь целями их немедленного опознания и первичной мысленной реконструкции. В погоне за устранением предвзятости все обнаруженные комплексы (отложение, постройка, совокупность вещей) уравниваются под названием "контекстов". Реконструкцию и интерпретацию возьмет на себя квалифицированный археолог с компьютером потом, в кабинете, по чертежам и данным прочей фиксации. В ряде экспедиций и вскрытие по слоям не требуется — предпочитается вскрытие мелкими условными горизонтами, а слои и распределение вещей по ним будут устанавливаться потом по профилям и замерам. Археологи стараются уподобиться винтикам одной большой машины, которая должна работать безукоризненно точно.

Эта методика кое-чем выгодна. Большой квалификации от рядового работника она не требует, только обученности и тренировки. Эта методика позволяет занять в поле большое количество работников, не имеющих глубокого специального образования и таким образом быстро развернуть фронт работ. Она позволяет легко включать в процесс разнообразную механизацию и вести работу небольшими участками, чтобы лишь впоследствии их соединить (ибо сразу большими площадями слишком дорого).

Недостатки этой методики также очевидны. Если мысленная реконструкция не проводится сразу, могут быть утрачены многие возможности наблюдения, иным путем не запрашивающиеся. Разборка по условным горизонтам хуже для стратиграфической детализации. Любое количество бланков для описания объектов не может заменить общего дневника, протоколирующего не только результаты, но и ход исследования, а это необходимо для реконструкций.

В ряде сложных ситуаций самые дотошные исполнители самых предусмотрительных инструкций оказываются слабее археолога-детектива, владеющего знаниями культуры и опытом реконструкций.

Такая методика складывалась у западных археологов отчасти под влиянием идеалов “аналитической философии” (построение логической машины для выводов) — “новая археология” не прошла бесследно.

Отчасти сказалось и внедрение компьютерной техники, потребовавшее более единообразного языка описаний. Отчасти же повлияли экономические условия: приходилось быстро разворачивать большие раскопки (особенно спасательные) без возможности подбирать специалиста по данному виду памятников. А копать широкими площадями оказывается дорого даже для богатых экспедиций: дорога рабочая сила, дорого необходимое (по принятым стандартам) оборудование.

Проблема заключается в том, что эти условия, видимо, придут и к нам. Сможем ли мы, повышая стандарты, оснащенность техникой и коллективность работ, сохранить упор на индивидуальное мастерство высокообразованных специалистов?

ПУШКИНОГОРЬЕ В МАТЕРИАЛАХ ФОТОАРХИВА ИИМК РАН

Фотоархив Института истории материальной культуры Российской Академии наук (Санкт-Петербург) как самостоятельное подразделение в структуре учреждения, неоднократно менявшего свое наименование, существует с декабря 1918 года. Фактически его начальной датой следует считать 1859 год, когда император Александр II подписал распоряжение о создании Императорской Археологической комиссии, коллекция фотографий и негативов которой легла в основу собрания фотоархива.

11 декабря 1918 года Иван Федорович Чистяков (фотограф Императорской Археологической комиссии — далее ИАК) передал в Российскую Археологическую комиссию 20000 негативов, о чем свидетельствует запись в инвентарной книге № 1. ИАК существовала в 1859—1917 годах. Съемка производилась членами комиссии с 70-х годов прошлого века, однако уже с середины XIX в. в библиотеке ИАК собирались фотографии как по археологии, так и другим областям истории и культуры. Российскую Академию истории материальной культуры образовали в 1919 году, в августе месяце, а 2 ноября того же года И. А. Орбели, бывший тогда ее ученым секретарем, докладывал собранию об организации архива фотодокументов как отдела при библиотеке. Заведовать им был поставлен Н. П. Сычев (директор Русского музея в Ленинграде в 1920-х годах). Негативы передавались сотрудниками безвозмездно, хотя были случаи и приобретения таковых за деньги. Первоначально к архиву были причислены только два человека — упомянутые Н. П. Сычев и И. Ф. Чистяков, чуть позже к ним присоединилась Татьяна Модестовна Девель, руководившая работой фотоархива с июля 1932 по октябрь 1956 года. Ей архив обязан и разработкой методики работы, и единственным полным, по состоянию на 1950 год, обзором материалов, опубликованным в журнале “Советская археология”. Интереснейший человек Т. М. Девель (1888—1981), дворянка, окончила Бестужевские курсы, историк, до 1917 г. — слушала лекции в Берлине, Париже и Флоренции; владела французским, немецким, итальянским языками, латынью и греческим. Пришла работать в Российскую Академию истории материальной культуры (далее — РАИМК) в 1921 г., с 1932 г. заведовала архивом. 17 июня 1941 г. уехала в отпуск в Ташкент и вернулась в Ленинград только летом 1945. Ушла на пенсию в 1956 г. Умерла в Ленинграде на 93 году жизни.

Рис. 1. Вид части лицевого фасада барского дома. Фото К. К. Романова, 1936 г.

1919, затем 1925—1926 и середина 30-х годов — время значительного пополнения фонда архива. Поступления исчислялись тогда сотнями единиц хранения, потом — тысячами, сейчас — снова сотнями, что связано со значительным сокращением объема археологических работ. В целом, в фотоархиве хранится более 500000 негативов, более 600000 позитивов, 8 кинофильмов.

Большая часть материалов по Пушкинским Горам сконцентрирована в фонде архитектора К. К. Романова. Запись в Книге фондов, сделанная в 1961 году, когда было произведено разделение массива фотографий и негативов на фонды, гласит:

Фонд 30. Романов Константин Константинович (1882—1942), архитектор, художник, с 1919 г. — член-основатель РАИМК. Дата поступления — 1949 г. Негативов — 1295, отпечатков — 2291.

Обширная коллекция (№ 1379), негативы которой датируются 1887—1936 гг., фотографии — 1882—1940 гг. Полная серия снимков Изборской крепости, Гремячей башни в Пскове. Исследования в Юрьеве Польском. Материалы фотофиксации древнерусских памятников Пскова и его округа, а также значительные серии снимков крестьянских построек северных

Рис. 2. Исследование остатков усадебного дома А. С. Пушкина.
Фото 1934—1935 гг.

областей (Архангельская и Вологодская области, Карелия). Здесь же две серии фотографий других авторов, негативы к которым погибли: серия раскопок Н. Я. Марра в Гарни в 1909—1910 гг. и Н. И. Репникова в Старой Ладогe в 1913 г. В снимках представлены архитектура Кавказа, Средней Азии, Сербии, Греции, Турции и др.; раскопки в Херсонесе, Ольвии и других местах; этнографические сюжеты Ярославской и Тамбовской областей.

Фотодокументы по Пушкинским Горам представляют следующие сюжеты:

1) Поездка К. К. Романова 1936 г. в Пушкинские места в связи с реставрационными работами в заповеднике (от АН СССР). 28 негативов — I 32828—32856. Кол. 1379/377—405:

I 32828 — Вид на полянку перед домиком кордона (виден огромный портрет А. С. Пушкина).

I 32829 — То же: повторный снимок с более близкого расстояния.

I 32830 — То же: повторный снимок.

I 32831 — Общий вид на озеро Кучане и парк.

I 32832 — Общий вид домика кордона (перед лугом).

- I 32833 — Тот же домик на некотором расстоянии.
I 32834 — Барский дом (А. С. Пушкина) — виды лицевого фасада (реконструкция К. К. Романова; рис. 1).
I 32835 — Часть лицевого фасада того же дома.
I 32836—32840 — Виды в парке: сосны, прогалина, сосняк.
I 32841—32849 — Виды на озеро Кучане с разных сторон, открытые виды и сквозь купы деревьев, повторные снимки.
I 32850—32851 — Виды на пойму речки Сороти, извилин той же реки.
I 32852—32856 — Повторные снимки и неясные изображения.

- 2) О работах в Пушкинском заповеднике (Псковская обл.) в 1936 г. 6 негативов — II 49140—49141, I 32911—32914. Кол. 1379/658—663:
II 49140 — 1) Святогорский монастырь Псковской обл. — общий вид на монастырь с В (фото К. К. Романова 1936 г.); 2) с. Тригорское — дорожка среди елей — “ель-шатер”; 3) с. Михайловское — вид прогалины в сосняке (на первом плане пни).
II 49141 — С. Михайловское: 1) дорога в Михайловской роще; 2) дорога в сторону д. Бугрово; 3) аллея Керн липовая; 4) один из домов кордона.
I 32911 — Дорога в Михайловской роще.
I 32912 — С. Тригорское: дом Осиповых — общий наружный вид со стороны озера.
I 32913 — Вид на Вороничский вал со стороны с. Тригорского.
I 32914 — С. Михайловское. Подножие креста с надписью 1513 г. на Савкиной горке.

- 3) Материалы, связанные с реставрационными работами К. К. Романова 1934—1936 гг. в Пушкинском заповеднике (от АН СССР). 9 отпечатков — О.1696/45—53. Кол. 1379/1471—1479
О.1696/45 — Вид усадьбы А. С. Пушкина в с. Михайловском на старинном рисунке (литография в Пскове 1887 г.).
I 33478, О.1696/46 — План старинный той же усадьбы с прилегающим озером Маленец.
I 33479, О.1696/47 — Вид на мостик через проток у озера. Надпись на конверте “С. Михайловское”.
О.1696/48—49 — Группа деревьев в парке. Аллея в парке. Надписи на конвертах “С. Михайловское”.
О.1696/50 — Исследование погребенных остатков усадебного дома Пушкина (?; рис. 2).
I 33480, О.1696/51 — Процесс расчистки площади.
О.1696/52 — Вскрытые остатки фундамента (?).
II 95673, О.1696/53 — Другой вид вскрытых остатков фундаментов (?).

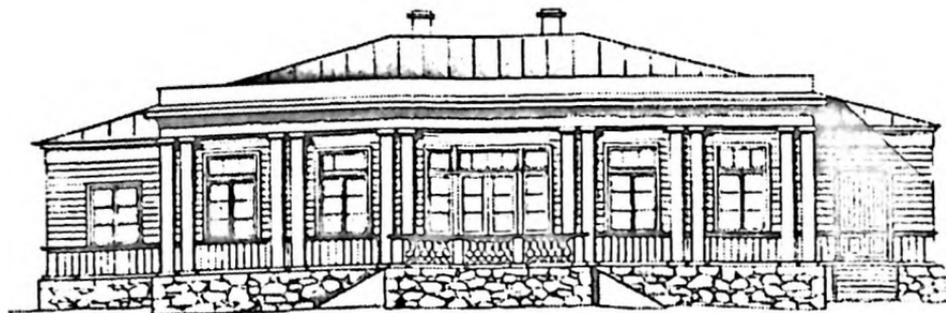

Рис. 3. Проект реставрации северного фасада дома А. С. Пушкина.
Чертеж К. К. Романова, 1936 г.

4) В фонде 46 (ИИМК АН СССР), в кол. 724/1—8 отложились материалы, внесенные в опись под названием:

Пушкинский заповедник. Проект реставрации дома А.С. Пушкина в с. Михайловском Ленинградской области, исполненные К.К. Романовым по заданию Пушкинского заповедника: чертежи. 5 ноября 1936 г. — 23 декабря 1936 г.

8 негативов (И 24731—24738) и 8 отпечатков, сделанных с данных негативов, — О.1057/64—71. Чертежи архитектора-художника К.К. Романова. Проект реставрации Пушкинского дома — варианты 1-ый (рис. 3) и 2-ой.

Небезынтересны и некоторые биографические сведения о художнике-архитекторе К. К. Романове¹.

Константин Константинович Романов — историк русской архитектуры, один из организаторов охраны памятников в России, родился в

¹ О нем и его фонде см.: 1) "Коллекция № 1379. Фотоархив К. К. Романова. Том I. Биографические данные" (в фотоархиве ИИМК РАН) и 2) М. И. Мильчик. Заонежье на старых фотографиях. СПб, 1999, с. 146.

1882 г. в Петербурге, в семье врача. В 1904—1907 гг. студент Высшего художественного училища при Академии художеств К. К. Романов приглашен П. П. Покрышкиным к совместным исследованиям архитектуры Ферапонтова (1905 г.) и Успенского в Тихвине (1907 г.) монастырей, по приглашению Б. В. Фармаковского участвовал в раскопках в Ольвии по линии чертежных работ (1907—1909 гг.). В 1908 г. Комитет по изучению Средней и Восточной Азии поручил К.К. производство обмеров мечети Рух-Абад и медресе Улуг-Бека в Самарканде. В 1909 г. закончил Училище, одновременно слушал курсы по истории искусств в Архитектурном институте Петербургского университета. В том же году избран действительным членом Русского Военно-исторического общества, а в 1910 — действительным членом Русского Археологического общества и утвержден членом-корреспондентом Императорской Археологической комиссии.

В 1911 году причислен к Русскому музею по Этнографическому отделению и совершил поездки по Вологодской и Псковской губерниям с целью сбора материала для музея и изучения деревянной архитектуры, культовых сооружений, прикладного искусства и быта русских. С 1912 г. (по 1921 г.) К. К. Романов состоял хранителем этнографического отдела Русского музея, начал читать лекции по истории искусств в училище барона Штиглица, летом совместно с В. М. Машечкиным совершил поездку в Олонецкую и Ярославскую губернии. В том же году избран членом-сотрудником Общества Любителей древней письменности и утвержден членом и Управделами Комитета Попечительства о русской иконе. В этой должности он состоял до 1918 г. В 1912—1915 гг. по поручению Императорской Археологической комиссии наблюдал за реставрацией храма Василия Блаженного в Москве.

В 1917 г. назначен Товарищем Председателя Совета по Делах искусств при Временном правительстве, в 1918 г. — членом Коллегии по Делах музеев и охране памятников искусства и старины, активно участвует в обследовании памятников архитектуры и музеев Москвы, Петрограда, Новгорода, Пскова и Ярославля. С 1918 г. К.К. Романов — профессор Петроградского университета и Археологического института. В 1919 г. принимает участие в организации Российской Академии истории материальной культуры и избирается ее членом-основателем. В 1923—1929 гг. преподавал в Российском институте истории искусств, являясь его действительным членом, и в 1926—1928 гг. организовал экспедицию по Заонежью, Пинеге и Мезени с целью комплексного изучения крестьянской культуры. С 1934 г. — профессор Ленинградского института железнодорожного транспорта, а с 1939 г. — заведующий кафедрой

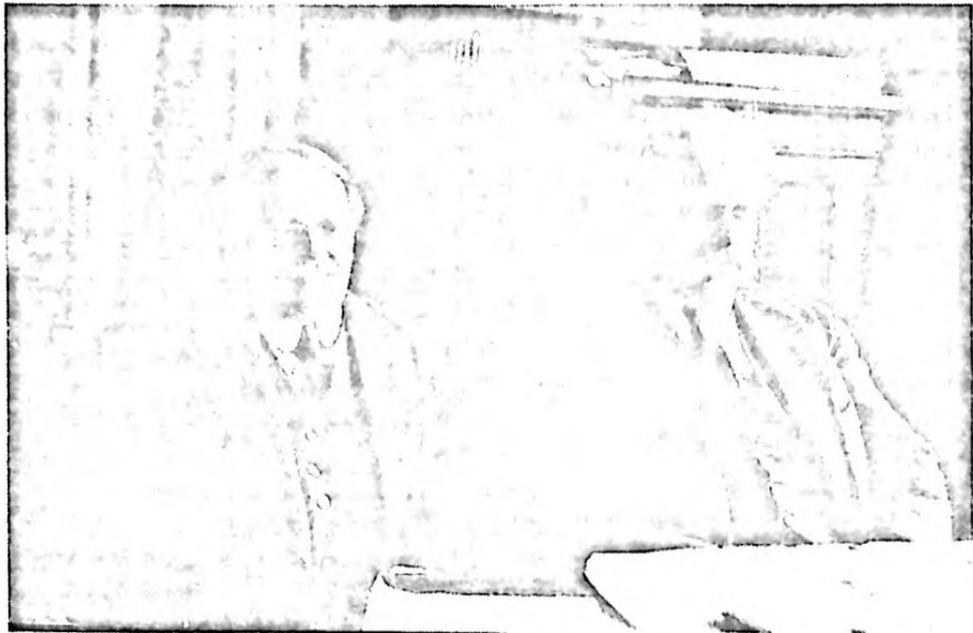

Рис. 4. К. К. Романов (справа) и Н. В. Малицкий. Фото 1926 г.

истории архитектуры Ленинградского инженерно-строительного института. С 1911 г. он преподавал также в Училище рисования барона Штиглица (1912 г.), на Курсах Высших архитектурных знаний Е. Ф. Багаевой (1914—1915 гг.), в Психо-Неврологическом институте (1918 г.), Институте истории искусств (с 1923 г.).

Из работ К. К. Романова по изучению памятников древнерусского зодчества следует отметить: многолетние исследования Георгиевского собора в Юрьеве Польском (1909—1915, 1925—1926, 1929 г.), ряда памятников Владимиро-Суздальской Руси, а также исследования памятников Псковской земли: Изборская крепостная стена (1910—1911 гг.), Гремячья башня в Пскове (1913 г.), церкви и гражданские строения в Пскове и округе (1927—1930 гг.) и др. Из основной тематики исследований К. К. Романова выпадают его участие в раскопках Н. Я. Марра в Гарни в 1910 г. и итоговая печатная работа о языческом храме в Гарни. Попутно с названными архитектурно-археологическими работами по линии охраны памятников он исполнял поручения Императорской Археологической комиссии, позже Совета по делам искусств и Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса по осмотру древних зданий и надзору за проводившимися ремонтными работами.

Умер Константин Константинович в 1942 г. в блокадном Ленинграде.

В фотоархиве имеется несколько портретов К. К. Романова, но едва ли не лучшим является портрет 1926 г. (рис. 4; публикуется впервые.), на котором К. К. Романов сфотографирован вместе с профессором Николаем Владимировичем Малицким (1881—1938), крупнейшим специалистом в области византийского и русского искусства и христианской археологии. В 1922—1933 годах Н. В. Малицкий совмещал преподавательскую деятельность с работой в должности научного сотрудника ГАИМК, с 1924 года заведовал фотоотделом. Был дважды арестован в 1933 и 1937 году, умер в Каргопольском лагере 15 января 1938 г. Реабилитирован 31 марта 1989 г.

ПРОГРАММА УЧЕБНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

Задачей археологической практики является ознакомление будущих специалистов-музеевдов с организацией и методиками проведения полевых археологических работ, основами фиксации результатов этих работ, правилами документирования находок и составления первичной охранной и учетной документации на недвижимые памятники истории и культуры, к числу которых принадлежат памятники археологии. Учебный план подготовки музеевдов помещает археологическую практику, продолжительностью в три недели на летние месяцы после IV учебного семестра.

Археологическая практика призвана дополнить и закрепить знания, полученные студентами на лекциях по основам археологии (I—II семестры). С тем, чтобы работа в археологической экспедиции была для студента осмысленной и информативной, процесс подготовки к археологической практике включает теоретические и практические занятия — лекции, семинары и практикумы. Лекции и семинары проводятся в аудиторных условиях до начала полевых археологических работ, практикумы целиком перенесены на экспедиционный период.

Участие студентов-музеевдов в работах Псковской областной экспедиции ИИМК РАН, финансируемое в 1998—2000 гг. из средств Федеральной целевой программы “Интеграция” (проект К-0389), а также участие практикантов в раскопках на территории Санкт-Петербурга определило круг вопросов, рассматриваемых на занятиях — знакомство с особенностям археологических памятников Псковской области, а также с особенностями археологии Петербурга — мегаполиса эпохи Нового и Новейшего времени.

Задача лекций — дополнить имеющиеся у студентов представления о внешнем облике основных археологических памятников, известных в районе проведения археологической практики, а также познакомить с основными категориями находок, которые обнаруживались при раскопках прошлых лет на памятниках, аналогичных объектам практики. С этой целью на аудиторных занятиях студенты знакомятся с основными типами археологических памятников Псковской области, результатами разведок и раскопок этих памятников, с историей археологического изу-

чения Псковского края, а также — с результатами раскопок разнотипных археологических объектов на территории Петербурга.

Задача семинарских занятий — ближе познакомить практикантов с имеющимися в распоряжении исследователей письменными и археологическими источниками, характеризующими прошлое районов прохождения практики. Результатом самостоятельной работы студентов является подготовка коротких реферативных докладов по одной из предложенных тем.

Задача практикумов, проведение которых целиком перенесено на экспедиционные условия — познакомить учащихся с правилами проведения археологических разведок и раскопок, с правилами составления полевых археологических (дневник, описи, этикетаж и проч.), а также охранной документации на недвижимые памятники истории и культуры.

По результатам археологической практики студенты отчитываются на заседании кафедры в начале V учебного семестра, представляя письменные отчеты о прохождении практики. Отчеты составляются на основании дневников практики.

СОДЕРЖАНИЕ ПРОГРАММЫ

Лекции:

1. Археологические памятники Древней Руси и ее соседей в эпоху средневековья — селища, городища, курганные и жальничные могильники.

2. Археология средневекового русского города (Ладога, Новгород, Псков).

3. Археологические памятники эпохи Нового времени — селища, усадьбища, города. Археология Петербурга.

4. Организация, подготовка и проведение полевых археологических исследований. Охранная и первичная учетная документация на памятники археологии.

Семинары:

1. Сведения письменных источников (летописи, писцовые книги) о территории Посоротья в эпоху средневековья.

2. История изучения археологических памятников на территории Пушкинского заповедника. Псковские пригороды Воронич и Велье по данным археологии. Средневековые сельские поселения на Псковщине.

3. Усадебная археология и ее особенности. Усадьбы Ганнибалов на Псковщине.

4. Археология Петербурга.

Практикумы:

1. Методика проведения археологических разведок. Правила ведения полевого дневника. Техника опроса местных жителей. Народные названия памятников археологии, легенды об археологических памятниках. Археологические памятники, обладающие визуальными признаками — городища, курганные и жальничные могильники, каменные кресты, объекты поклонения, усадьбища. Археологические памятники, не обладающие отчетливыми визуальными признаками — стоянки, селища, грунтовые могильники. Описание памятника. Характеристика культурного слоя, правила сбора и фиксации подъемного материала, глазомерная и буссольная топографическая съемка.

2. Методика проведения археологических раскопок. Описание памятника до начала раскопок. Выбор места для шурфов и раскопов. Правила разбивки раскопа. Нивелировка поверхности. Техника послойного вскрытия культурного слоя. Правила фиксации находок: массовые и индивидуальные находки, заполнение этикетки (паспорт находки), составление таблиц массовых категорий находок, описи и карточки индивидуальных находок.

ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ ЗАНЯТИЙ

Общие вопросы:

- Авдусин Д. А. Полевая археология СССР. Учебное пособие. М., 1980.
- Агальцова В. А. Сохранение мемориальных садов и парков. М., 1980.
- Клейн Л. С. Археологические источники. Учебное пособие. Л., 1978.
- Клейн Л. С. Феномен советской археологии. СПб, 1993.
- Клейн Л. С. Российская археология на переломе // Церковная археология, ч. 3. СПб; Псков, 1995.
- Миронова В. Г. Методика исследования микрорегионов // Археологические памятники Европейской части РСФСР. Методические материалы к своду памятников истории и культуры. М., 1985.
- Саввониди Н. Ф. Археология поселений. Британская методика полевого исследования. СПб, 1993.
- Седов В. В. Памятники археологии: их значение, учет и охрана // Археологические памятники Европейской части РСФСР. Методические материалы к своду памятников истории и культуры. М., 1985.
- Седов В. В. Памятники археологии в "Своде памятников истории и культуры СССР" // Археологические памятники Европейской части РСФСР. Погребальные памятники. Методические материалы к своду памятников истории и культуры. М., 1988.

Средневековая археология Северо-Запада:

- Древняя Русь. Город, замок, село // Археология СССР, т. 15. М., 1985 (здесь же подробный список литературы).
- Древняя Русь. Зодчество, культура, быт // Археология СССР, т. 16. М., 1997 (здесь же подробный список литературы).
- Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. // Археология СССР, т. 14. М., 1982 (здесь же подробный список литературы).
- Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР, т. 17. М., 1987 (здесь же подробный список литературы).

Памятники Пушкиногорья:

- Артемьев А. Р. Города Псковской земли в XIII—XV вв. Владивосток, 1998.
- Бозырев В. С. По Пушкинскому заповеднику. Л., 1979.
- Василевич Г. Н. Предпосылки развития Государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А. С. Пушкина "Михайловское" (к вопросу о сохранении уникальной территории) // Михайловская Пушкиниана, вып. 1. М., 1996.
- Василевич Г. Н. О сохранении и развитии Пушкинского Заповедника (концепция и традиции) // Михайловская Пушкиниана, вып. 4. М., 1999.
- Васильев М. Е. Минувшее проходит предо мною... Псков, 1997.
- Васильев М. Е., Филимонов А. В. Велье. Пушкинские горы, 1992.
- Васильев М. Е., Харлашов Б. Н. Посады Воронича // Памятники старины. Концепции, открытия, версии, т. 1. СПб; Псков, 1997.
- Гейченко С. С. У Лукоморья. Л., 1981.
- Давыдов А. И. Историческое обоснование для перспективного развития Тригорского // Михайловская Пушкиниана. Вып. 5. Тригорский сборник. Пушкинские горы, 1998.
- Далекое прошлое Пушкиногорья, вып. 1. История. СПб, 1998.
- Далекое прошлое Пушкиногорья, вып. 2. Археология. СПб, 1998.
- Далекое прошлое Пушкиногорья, вып. 3. Музейная педагогика. СПб, 1998.
- Далекое прошлое Пушкиногорья, вып. 4. Культурология. Новые археологические исследования. СПб, 1999.
- Мальцева Т. Ю. Ганнибалы и Пушкин на Псковщине. М., 1999.
- Окулич-Казарин Н. Ф. Материалы для археологической карты Псковской губернии // Труды Псковского археологического общества, т. X. Псков, 1914.
- Окулич-Казарин Н. Ф. Дополнения и поправки к "Материалам для археологической карты Псковской губернии" // Труды Псковского археологического общества, т. XI. Псков, 1915.

Археология Петербурга:

- Грач А. Д. Археологические раскопки в Ленинграде. К характеристике культуры и быта населения Петербурга XVIII в. М.; Л., 1957.
- Коренцвит В. А. Центральная часть Летнего сада по материалам археологических изысканий // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1979 г. М., 1980.
- Коренцвит В. А. Раскопки летней резиденции Петра I в Ленинграде // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985.
- Лебедев Г. С. Методические основания археологического изучения, охраны и использования культурного слоя Санкт-Петербурга (проект) // Archaeologia Petropolitana, № I. СПб, 1996.
- Лебедев Г. С. Дерево-земляная Петропавловская крепость 1703 г. (Нарышкин бастион по данным раскопок) // Памятники старины. Концепции, открытия, версии, т. II. СПб; Псков, 1997.
- Лебедев Г. С. А. Д. Грач и Археология Петербурга // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб, 1998.
- Лебедев Г. С. Первоначальный Петербург. Проект археолого-архитектурного заповедника в историческом центре Санкт-Петербурга // Archaeologia Petropolitana, № III. СПб, 1999.
- Михайлова Е. Р. Петербургская керамика // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб, 1998.
- Михайлова Е. Р., Кузьмин С. Л., Соболев В. Ю., Глыбин В. А. Работы по программе "Археология Петербурга". Предварительные итоги // Archaeologia Petropolitana, № III. СПб, 1999.
- Соболев В. Ю. Клады и случайные находки на территории Большого Петербурга // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб, 1998.
- Сорокин П. Е. Археологические исследования в устье реки Охты // Петербургские чтения. СПб, 1994.
- Сорокин П. Е. Археологические исследования 1994 г. в районе Смольного монастыря // Петербургские чтения. СПб, 1995.
- Сорокин П. Е. Археологические исследования и проблемы сохранения культурного слоя на территории Санкт-Петербурга // Archaeologia Petropolitana, № I. СПб, 1996.
- Сорокин П. Е., Кашаев С. В. Разведочные археологические исследования на Васильевском острове // Archaeologia Petropolitana, № II. СПб, 1998.
- Шамардин М. В. Фонтаны начала XVIII в. в Летнем саду // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1976 г. М., 1977.

Список сокращений

АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
ИИМК	— Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург.
КСИА	— Краткие сообщения института археологии РАН (АН СССР), Москва.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР Москва; Ленинград.
ЦОМЗ	— Псковский объединенный музей-заповедник.
СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа.
ЦПРИМ	— Центральный научно-реставрационные производственные мастерские, Москва.

Содержание

От составителя	3
В. В. Седов, С. В. Белецкий	
КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ	5
Ю. М. Лесман	
О ДАТИРОВКЕ СРЕДНЕГО СЛОЯ	
ГОРОДИЩА САВКИНА ГОРКА	14
В. Д. Белецкий, С. В. Белецкий, С. Г. Попов	
СТРАТИГРАФИЯ И ХРОНОЛОГИЯ	
НИЖНЕГО СЛОЯ ПСКОВСКОГО ГОРОДИЩА	23
С. В. Белецкий	
УСАДЕБНАЯ АРХЕОЛОГИЯ РОССИИ.....	35
Л. С. Клейн	
МЕТОДИКА РАСКОПОК: ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ	44
Г. В. Длужневская	
ПУШКИНОГОРЬЕ	
В МАТЕРИАЛАХ ФОТОАРХИВА ИИМК РАН.....	48
ПРОГРАММА УЧЕБНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ	56

Подписано в печать 23.06.2000.

Бумага офсетная. Формат 60 x 90 1/16. Гарнитура Times.

Усл. печ. л. 3,5. Уч. изд. л. 4.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии Петербургкомстата.

197376. С.-Петербург, ул. Профессора Попова, 39

Тираж 300 экз. Заказ № 239.